

Олег Янков

*Прямо на
восток*

Олег Ярков

Прямо на восток

«Издательские решения»

Ярков О.

Прямо на восток / О. Ярков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908057-8

Лишённые привычной логики события, происходящие на планете, вызывают естественный интерес. Но те же события, случающиеся с тобой... это что-то!

ISBN 978-5-44-908057-8

© Ярков О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Прямо на восток

Олег Янков

© Олег Янков, 2018

ISBN 978-5-4490-8057-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

- А разве тебе не хочется всё знать?
- Для чего?
- Как для чего? Чтобы уметь защитить себя!
- От чего? От тех бед, которые натворили знающие всё?

Дорога выдалась у меня долгая. Временами интересная, но чаще нудная. Особенно по казахским степям. Вагон, который теребил меня внутри себя по дороге из Саратова с двумя пересадками до Усть-Каменогорска, старательно обходил любые населённые пункты, предлагая мне глазеть в слабоцветные степи, охраняемые ветром и одинокими верблюдами. Скорее всего, в этой паре верблюдов – ветер, первый был всё-таки начальником. Его, верблюда, было намного меньше, чем ветра и ходил он с отрешённым самозначением, а не мотался туда-сюда, бестолково пересовывая песок по горизонтальной плоскости.

Попутчики мои были в основном местного разлива. Привыкнув с детства к степно-пустынному буйству красок, они уже не тратили время на просмотр мелькающей Родины за грязным вагонным окном. Они, сопассажиры, без умолку щебетали на своём языке и делали редкие паузы в беседе на шумный выдох и выпивание чего-то своего спиртного, разливаемого из полуторалитровых пластиковых бутылок. После чего снова принимались обсуждать свои местные проблемы.

От предложения выпить я отказывался раз одиннадцать. Такое моё отношение к процессу никого из выпивающих не трогало. Они принимали это как обычный ритуал, подобный выдыхиванию перед глотком.

На третьи сутки, устав от непонятной речи и постоянного чужого пьянства, я вышел на перрон Усть-Каменогорского железнодорожного вокзала.

Сам вокзал и его площадь, впрочем, как и всё остальное, на что хватало угла обозрения, за многие годы старательно русифицировалось, не редко вступая в конфликт с местным колоритом. Многолетняя борьба велась с переменным успехом для обеих сторон. Правда, было очевидно, что на сегодняшней стадии борьба находилась в состоянии обоюдного поражения. Временное перемирие переросло в перетекание стилей и денежных возможностей владельцев привокзальных квадратных метров торговой площади.

Далее на моём пути было такси в какой-то аэропорт и долгие часы лёта в Иркутск. Такая смена транспорта при постоянстве однообразия вокруг меня совершенно не оставили впечатлений от этой многодневной дороги. В окно больше не смотрелось, есть и пить не хотелось. Хотелось только одного – остановиться хоть где и хоть на пару дней. О том, что рано или поздно мне придётся возвращаться, думать не хотелось. Хотелось сначала отдохнуть от этой дороги, а потом можно попробовать подумать и об обратной.

Но до начала возвращения у меня было какое-то время, и из Иркутска я использовал его часть на вертолётный перелёт до почти военного аэродрома в полутора километрах от населённого пункта по имени Еланцы. Далее мне оставалось проехать ещё семнадцать вёрст по заповетнику, в сторону то ли посёлка, то ли турбазы под названием Ващановка. А вот там-то я

должен был пересидеть короткий, но счастливый кусок времени в несколько дней перед обратной дорогой.

В Еланцах на миниатюрной автостанции я просидел часа четыре в ожидании любого транспорта в сторону заповедной Ващановки. Теоретически я мог бы и пешком отправиться до места назначения, но дорога предстояла неизвестная и, скорее всего, через лес. Или тайгу. Или через что-то такое, что растёт в этих краях и через что есть дорога. Но дорогу эту знают только местные, которых, на этой автостанции в половине седьмого вечера девятого апреля этого года, не было. Ни одного.

Я ещё не решил, стоит ли мне доводить расстроенность моего настроения до паники или попробовать по-философски отнестись к отсутствию любых приемлемых мест для сидения на этой отдалённой автостанции. Но тут я увидел свет фар и очень понадеялся на то, что в мою сторону двигается машина, а не пара велосипедистов, оборудовавших свои веломашинки динамическими генераторами для света. Но потом появившийся характерный звук автомобильного двигателя вселил в меня надежду, что, по моей просьбе, детище какого-нибудь автогиганта остановится, и я получу в своё распоряжение ответ на один из трёх вопросов. Первый – не подвезут ли меня? Второй – если ответом будет «нет», то где мне скоротать неожиданно подкрадывающуюся ночь. Если же второй ответ будет клоном первого, то постараюсь вывести направление движения до, в общем – то, близкой, но по ночному времени далёкой Ващановки.

Я вытянул руку перпендикулярно движению машины. Не полностью владея вопросами «автостопа», я сначала держал ладонь сжатой в кулак, но эта «пальцево – кулаковая» позиция могла быть неверно истолкована водителем, который легко усмотрел бы угрозу для себя и для машины. Поэтому я разжал кулак и старательно, аж до боли в суставе, оттопырил в сторону большой палец.

Одним словом, один из этих жестов дал желаемый результат. Проехав мимо меня метров семьдесят, «Жигули» довольно престарелой модели остановились. Сдавать назад водитель не спешил, а просто трижды коротко «бибикнул».

Я подхватил свою сумку и быстрым шагом пошёл к своему «вечернему» спасителю. При моём приближении распахнулась водительская дверца и из машины высунулась одна нога и голова, с широким лицом на ней. Этот не полный комплект человеческого тела смотрел на меня и, дождавшись минимального расстояния между нами, спросил:

– Едешь? Куда?

– Добрый вечер! Еду, почти. До Ващановки. Довезёте?

– Повезло тебе, мил человек, что я так поздно еду. Мог бы и до утра тут сидеть. Эту самую автостанцию используют автобусники для туалета, а если ты собрался в Ващановку, то... ты из Еланцев ехал? Ну да, откуда же ещё? Так из Еланцев надо было ехать до Бурхан-Туша, это по ту сторону заповедника. Там автобусы дольше ходят и подбирают люд по дороге. А ты, поди, на аэродроме по карте смотрел и сам выбрал эту дорогу, да? Оно и понятно. Ты же в первый раз тут? Откуда тебе знать было? Эта дорога, ну, эта самая, – водитель высунутой из машины ногой постукал по смеси асфальта и грунтовок, – она от старой военной части осталась, и ездили по ней только военные. Так что повезло тебе, что я решил по этой стороне заповедника ехать. Так тебе до Ващановки?

– Если мы закончили урок природоведения, то да.

– Ну, это ясное дело. Семь соток – и едем.

А то у меня был выбор! Много это или достаточно для такой поездки – я не знал. Но, как это обычно бывает со мной, я сглупил и согласился.

– Лады. Давай мне деньги, я пересчитаю.

Это должно было означать предоплату.

В голову полезли всякие вечерние страшилки типа того, что я начну доставать деньги, и водитель увидит место, где я их держу. А природа вокруг заповедная и, соответственно, глухая, считай уже полная ночь на дворе. А около водителя, как я рассмотрел, сидел ещё один мужик. Вот остановятся они, вроде как в игру поиграть «мальчики налево, девочки направо» и прикончат меня. Деньги заберут, поколотят меня ногами и монтировкой и бросят одного. А тут – заповедник, волков никто не гоняет, вот и обглодают они мои косточки до утра.

– Не бойсь, – это не я сам себе сказал, это сказал водитель, почувствовав мою нерешительность, – я мирный человек. Расплатись и едем. А то знаешь, как бывает? Приедем на место, а ты скажешь, что ехать тута всего ничего и начнёшь торговаться. Тебе до Ващановки? Вот! Ты тама уже будешь на месте, куда тебе тама уже будет спешить? Вот торги и начнутся. А тута все вроде покладистые, лишь бы уехать. Так что сказ мой таков – давай я пересчитаю деньги и едем.

У меня появилось два варианта – ещё немного помечтать о прелестях возможного ограбления под аккомпанемент водительской болтовни, либо отдать деньги и попасть в эту заповедную Ващановку. Выбрал я второй.

– Лады, – сказал водитель. – Садись сзади.

Я обошёл машину и, выставив перед собой сумку, начал вводить себя на заднее сидение престарелой машины.

– Осторожно! Там моя куртка!

Это сказал пассажир с переднего места. Мне было, что ответить на этот начальственный окрик, но я решил максимально сократить оставшееся время до Ващановки и промолчал. Иначе в разговор обязательно вступил бы водитель без его речевых тормозов.

Мне удалось втиснуть сумку на пол, а сверху положить свою куртку. В машине было тепло и немного пахло бензином.

Вскоре мы тронулись. Я имею в виду с места. Машина стонала и жаловалась тарахтящими деталями, но ехала достаточно бойко. Водитель переключился с меня на своего соседа и продолжил прерванный моим появлением монолог. При этом он, водитель, для большей убедительности своего повествования, старательно заглядывал в глаза своему молчаливому собеседнику. Но, так как его сосед не менее моего был утомлён постоянной болтовнёй водителя и не поворачивал голову, чтобы встретиться глазами с говорящим, то водителю приходилось

практически ложиться ухом на руль, чтобы сбоку заглянуть в лицо своему визави. Сначала меня это забавляло, потом начало раздражать. Я постарался отвлечь себя от этих рассказов о заповеднике и пристрастной характеристике местных жителей собственными воспоминаниями. Вспоминал, например, о том, как в детстве мне очень нравился запах бензина и керосина, и с каким удовольствием я вдыхал этот аромат при первом удобном случае. Вспоминал ещё и о том, как на нашем городском базаре была маленькая будочка, в которой продавали на разлив керосин и то, как я завидовал хмурому мужику, который в этой будочке работал. Но в мои воспоминания постоянно вклинивался голос водителя, не умолкавший даже тогда, когда он делал вдох. Теперь он уже и жестикулировал обеими руками, стараясь придать значимость своей болтовне.

– Уважаемый!

Я постарался привлечь его внимание вежливым обращением, но зря. Его речь переплеталась с работающим радио, которое транслировало какую-то специфическую музыку. Я решил, что это бурятская музыка. А может быть, и нет.

– Уважаемый!

Мне пришлось податься вперёд и похлопать водителя по плечу. В ответ, с переднего ряда сидений, оглянулись двое.

– Если вы взяли деньги наперёд, то не смогли бы вы постараться довезти меня целым?

– Не понял. Что?

– Я говорю, смотри на дорогу!

– Ты зря боишься! Я с детства за рулём и эту дорогу знаю, так что не переживай!

Произнося эти слова, водитель смотрел только мне в глаза. Мужик с пассажирского сидения с видимой опаской и тревогой глядел на хозяина этого беспечного рта.

Я обнаглел и снова сказал:

– Смотри на дорогу!

С видимой неохотой водила показал мне свой затылок.

В машине повисла тяжёлая и долгая семисекундная тишина, разбавленная чьей-то национальной музыкой. Всё-таки бурятской. Я так думаю.

Но, как оказалось, молчание водителя связано не с моим замечанием. Он просто вспоминал, на каком месте его рассказа его перебили. А когда вспомнил, то всё началось сначала.

Через несколько минут ухабистой езды водитель попробовал нас порадовать.

– Ещё метров триста и будет поворот на Ващановку. От него по указателю семь километров. Но я уже несколько раз перемерял, нету там семи километров. Там шесть двести. По спи-

дометру. Я сто раз засекал по спидометру – ровно шесть двести, а на указателе семь. Куда девалось восемьсот метров, а? Может Вашановка переехала ближе к указателю? Ха-ха! Ничего подобного! Тама нету строительства, понятно? Я имею в виду, что кто-то что-то и строит, но только внутри. А за городской чертой строить не можна. Значит, Вашановка не разрастается. Тогда где восемь соток метров? Вон он указатель, сейчас сами ув... ты откуда тут?!

Я не могу точно сказать, что именно произошло. От надоевшего тарактения водителя начинал ныть затылок. Чтобы найти себе хоть что-то отвлекающее от нудной поездки, я старательно всматривался в окно, повернувшись к дверце практически всем телом. Когда прозвучал вопрос о том, откуда взялся этот «ты», я попробовал посмотреть в ветровое стекло. Единственное, что я увидел, была какая-то машина с большими колёсами и включёнными маленькими фарами. Она в долю секунды увеличилась в размерах настолько, что, глядя с моего места через ветровое стекло, кабины этой машины видно не было.

Я попробовал вжаться спиной в сидение и упереться ногами в пол, но при таком маленьком зазоре между передним и задним посадочным местом, это было просто невозможно. Я успел только поцарапать пальцами по обшивке дверцы в том месте, где должна быть ручка. Та, которая предусмотрена конструкторами. Но её не было. Наверное, от старости отпала. Искать другой предмет, за который можно было бы ухватиться, уже не было времени. Времени хватило только на удар со стороны водителя. Крыша «Жигулей» старательно вмялась по всей длине контакта, разрезая голову водителя. Кровь, скрежет, ещё один удар, движение в бок и свободное падение с вращением. Я был готов назвать этот полёт «двойной тулуп», только в горизонтальной плоскости. Затем был чувствительный удар о землю и ещё перевороты. Сколько их было – не помню, но не меньше одного. Остановилась на крыше. Как в детстве снова приятно запахло бензином. Только сильнее.

Радио продолжало работать, водитель не разговаривал. Я не смог определить после нескольких переворотов своё пространственное положение. Но было очень неудобно и больно в спине. Пошевелив руками, я нащупал куртку и, перевернувшись, как мне показалось на ноги, я обмотал ей руку и выдавил остатки стекла в дверце с моей стороны. Радовало одно – я ещё соображал и мог двигаться. Пока.

Кое-как удалось вылезти через окно и отползти на пару метров от машины. Сначала надо проверить себя на предмет переломов и ушибов, а потом попробовать вытащить из машины тех, кто там остался.

Встать на четвереньки у меня всё же получилось. По очереди выдвигая ноги вперёд, я поднял зад повыше и, оперевшись руками в колени, приподнялся, держа торс параллельно земле. Спина заболела сильнее, но оставаться в позе, имитирующей букву «Г» я долго тоже не мог. Не отпуская рук, я начал принимать вертикальное положение. Куртку из рук я на всякий случай не выпускал.

Вроде бы выровнявшись, правда со стоном и кряхтением, я покрутил головой, проверяя надёжность сцепки её с остальным телом. При повороте головы вправо раздался хруст в шее, и появились яркие точки на особенно тёмном фоне. Когда они пропали, и зрение занялось своим привычным делом, я увидел дорогу, по которой мы ехали и тёмный массив леса, довольно близко подступивший к дорожному полотну. Машин на дороге не было.

Теперь надо приступать к вращению влево. Попытка удалась, но уже без хруста и фейерверков. Мигающие фары перевернутой машины выхватили из темноты дорожный знак «Ващановка 7 км». Хорошо, что мы ехали в правильном направлении.

Раз я остался цел, во что очень хотелось верить, то можно было разворачиваться и постараться вытащить из машины моих попутчиков. Но не успел. Что-то сильное и жаркое ударило меня в спину. Звук появился немного позже. Как раз тогда, когда я после удара и небольшого полёта с силой врезался в ствол какого-то дерева. Ударился плашмя всем телом и головой. Последнее, что я успел подумать, что мне повезло и очень. На дереве не было сучьев, на которые я мог бы нанизаться.

Глава 2

Олег Ярков

Лежать мне было тепло. Постепенно просыпаясь, в тело чувствительно втискивалась боль. Хотелось повернуться, чтобы из-за неудобной позы она прошла. Я на это сильно рассчитывал. Однако, попытка повернуться, вызывала новые уколы неприятных ощущений где-то в районе рёбер. Что же мне такое снилось, что я умудрился до боли отлежать всё тело? Можно попробовать вспомнить прошедший сон, но логика не срабатывала. Не получалось восстановить в памяти те минуты, когда я ложился в постель. А и правда, когда я совершал обряд отхода ко сну? Ну-ка, ну-ка, давай по порядку. Итак. Я стоял на станции под... Ельней. Стоп. Ельня – это не то... под Ельней во время войны было большое танковое сражение, а я был у... не помню. Название начинается на «Е». По-моему. Ладно, потом вспомню. Что дальше? Дальше появились «Жигули», остановились немного впереди, и водитель запросил семьсот рублей за доставку до... Марку машины помню, а название городов пропало из памяти. Я же ехал в... здорово! Теперь меня можно использовать, как деталь для машины. Для экстренного торможения. Немного стукнуть и торможение насмерть! Я же помню, что ехал я туда, до куда оставалось семь километров. На дорожном указателе было написано: «7 км до...» нет, не так. Цифры стояли не на первом месте. Сначала было написано слово «Ващановка». Именно! Ехал я в Ващановку и ехал из Еланцев! Я же помню, что начинается на «Е»! Так что, дорогой автопром, ищи себе другие тормоза, я – пас. И что было дальше? Я рассчитался, сел в машину на заднее сидение и мы поехали. Водитель много болтал, радио пело бурятскую музыку и мы перевернулись. Так это я в аварию попал! Точно-точно! Сначала были видны большие колёса какого-то грузовика, потом толчок и удар, потом мы слетели в кювет и перевернулись. Я вылез из машины и... и спать не ложился. Тогда где я?

Мне показалось, что я услышал хруст разрываемых ресниц – это я пытался открыть слипшиеся и закисшие веки.

К свету я привыкал постепенно. Едва прорвав дыру между веками одного глаза, серо-мутное пятно сразу же приклеилось к зрачку. С пятой попытки мне удалось расширить глазную амбразуру и определить, что это пятно является окном. А откуда в лесу окна? Я же оставался около машины... не мог же утащить меня медведь в свою берлогу с окнами?

Концентрация моего внимания сильно опережала сконцентрированность моего же зрения. Второй глаз проигнорировал команду «Открыть кингстоны». Нет, кингстоны это не в голове, это, вроде, на корабле. Хотя прямо сейчас не важно, где и у кого кингстоны и что они вообще такое, важно то, что первую часть команды глаз нагло не выполнил.

Поднять руку и помочь пальцами глазу что-то мешало. Кое-как приподняв голову и ощутив себя единственным работающим глазом, я определил, что мешает мне поднять руку обычное одеяло, заботливо подсунутое под меня. Это, выходит, я в больнице?

– Виктор Макарыч! Виктор Макарыч! Вот старый хрыч. Макарыч! Аварийный пришёл в себя.

Голова моя кое-как осилила крен в левую сторону. Женский голос, звучавший сверху и громко, принадлежал женщине в белом халате и с большим... кормовым отсеком. Так будет правильно назвать то, что я увидел практически на уровне моих глаз. Переползая взглядом

от этого отсека вверх по спине и до самой до макушки с серо-коричневыми волосами, я окончательно убедился, что таки да, я в больнице и передо мной настоящая медсестра. Следом за пониманием моего местоположения массированно навалился больничный аромат.

В палате началось оживление. Скрип двери, шарканье подошвами тапочек без задников по линолеуму, звук передвигаемого стула и два вдоха. Первый издал садящийся на стул человек, а второй – собственно стул.

– Александра, не стоит впредь так громко проявлять свою радость. Давайте сюда тёплую воду и бинт. Спасибо, дальше я сам. Ступайте в манипуляционную. Там, на календаре, записан телефонный номер. Позвоните по нему и скажите, что пациент пришёл в себя.

– Виктор Макарыч, милиция через дорогу. Чего я буду ходить по отделению? Там возьми номер, иди в другой край звонить... Никогда так не делали. Чего теперь-то выпендриваться?

– Александра! Когда вы к порядку привыкнете? Господи, делайте, как хотите.

Тяжёлой поступью неизбежного грядущего, Александра последовала в сторону входных, а в её случае выходных, дверей, оставив их открытыми.

– Ну-с, молодой человек, с возвращением! Сейчас я попробую вас умыть.

Влажная марля сняла пелену с одного глаза и открыла второй. Передо мной проявился пожилой врач, судя по фонендоскопу на шее и голосу, которым этот человек отдавал распоряжения Александре.

Такая же марлевая влажность немного оживила мои губы. Теперь я мог открыть рот и попробовать издать хоть какой-нибудь звук.

– Как чувствуете себя? Говорить можете? Если испытываете затруднения, то можете молчать.

Виктор Макарович начал снимать с меня одеяло, но замер, услышав грохот голоса Александры.

– Вовка! Вовка!

– Господи! – Виктор Макарович оставил в покое одеяло и, сокрушённо покачивая головой, прикрыл глаза.

– Вовка! Чего так долго ходишь? Передай племяннику, что аварийный очухался. Понял? И порезвее ходи!

Через несколько секунд тишины мы снова слышали Александру.

– Это он для тебя начальник. Ходи быстрее!

Пожилой доктор не двигался до тех пор, пока не затихли шаги Александры у моей кровати.

– Александра, ты через окно кричала?

– Да. Через окно. И уже вернулась. А иначе я бы только шла в манипуляционную. Через окно быстрее. А что? Что-то не так?

– Я устал об этом постоянно говорить. Помогите, лучше, снять одеяло с пациента.

К моему удивлению, сковывавшее меня полотнище с инвентарным номером, аккуратно переместилось с меня на спинку кровати.

Виктор Макарович послушал меня, посчитал пульс, прошёлся пальцами по костям и суставам и посмотрел мой язык.

– Где-то вы даже везунчик, доложу я вам. Одна гематома на щеке, три на рёбрах и шрам на предплечье. Царапины не в счёт. Я не удивлюсь, если у вас и сотрясения нет. Ваша матушка не говорила вам, что вы в рубашке....

– Здравия желаю!

– Ещё один..., – особенно тихо проговорил врач. Смирившись с таким неуважением к проводимым врачом процедурам, Виктор Макарович обратился ко мне. – Вы сможете сесть?

Не рывком, конечно, но и без посторонней помощи я согнулся до положения «сидя». Десятка полтора беспризорных светлячков радостно окружили меня, постепенно уменьшаясь числом и яркостью свечения. Когда последний из них улетучился, я, наконец-то, поднял руку и с удовольствием потёр глаза. Проведя дальнейшее ощупывание лица, я наткнулся на боль в увеличенной правой щеке.

– Каковы ощущения?

– Сотрясения, по-моему, точно нет. Не тошнит, голова не кружится, зрение... вроде нормальное....

– Вы уже говорить можете. Поздравляю! У вас был ушиб. Ничего серьёзного, как я и говорил. Два-три денька проведёте в покое, и вы снова в строю. А... вы точно всё помните? Я о причине попадания в больницу?

– Ехали в машине. Перевернулись....

– Всё-всё, достаточно. У вас будет и время, и возможность всё подробно вспомнить. Постепенно и не напрягаясь. Оставляю вас на нашу милицию. Выздоровливайте! Василий, пожалуйста, не более пяти минут, хорошо?

Теперь Виктор Макарович обращался уже к старшему лейтенанту, который с интересом пялился на меня. Или на мою распухшую щёку.

– Понял, доктор. Не в первый раз.

– Это меня и пугает....

Доктор поднялся со стула, на который тут же опустился милиционер. Говорить он начал только после того, как услышал условный сигнал, который ему подавала закрывающаяся дверь.

– Корчавин, Василий Григорьевич, участковый. Это я позавчера ночью нашёл вас на месте аварии. Вам пока трудно говорить? Понимаю, не в первый раз, так сказать. До завтра, думаю, отдохнёте спокойненько, а потом попробуем восстановить картину ДТП. Или вы хотите сейчас?

Я отрицательно покачал головой. Отрицательно, но медленно. Какой-то этот участковый странный – или культурный, или хитрый. Меня даже пугала его вежливость. Но с другой стороны, чего мне его бояться? Я просто ехал как пассажир и просто вылез из перевернутой машины. Или он вежливо старается выяснить, почему я не вытащил тех двоих?

– Я так и думал, не в первый раз. Тогда все формальности подождут до завтра. А теперь – главное. Ваши документы основательно подгорели вместе с вашей курткой. Оно и понятно. Одним словом, я связался с вашим ведомством, и они подтвердили и ваш статус, и ваши полномочия. Я уже подготовил протокол о не возбуждении уголовного дела по поводу порчи удостоверения личности. Завтра принесу на подпись. А на обратную дорогу сделаю справку вместо удостоверения, это меня ваши попросили сделать. Так что в этом смысле, так сказать, порядок. Не в первый раз. Табельное оружие тоже в порядке. Оно у меня в сейфе. Или вы хотите получить его сейчас?

Я снова отрицательно покачал головой.

– Я так и думал. Тогда у меня всё. Если у вас ко мне нет вопросов, я пойду.

Участковый поднялся, застегнул китель и, немного подумав, сказал.

– Олег Ильич, ничего, что я так, по имени-отчеству? Или лучше по званию?

От последнего вопроса мне вообще расхотелось думать! Во всяком случае, при участковом. Слишком много интересного для меня случилось после сегодняшнего пробуждения, чтобы считать это всё правдой. Поэтому я решил поскорее избавиться от этого участкового и только тогда, в строгом одиночестве поразмышлять. На всякий случай я разрешил обращаться ко мне не по званию. А интересно, какое мне дали звание после удара о дерево?

– Если вы себя уже чувствуете, то может быть... за выздоровление? Коньяк – штука полезная, так сказать. Как породистое лекарство.

Коньяк, говоришь? А и в самом деле? Какой мне толк сидеть в одиночестве и пытаться выяснить, почему это я вдруг Олег Ильич и ещё со званием? И с табельным оружием? А через пару рюмок участковый расскажет ещё какую-то подробность из моей жизни? Лучше пьяному знать о себе всё, чем трезвому терзаться в неведении. Одним словом Олег Ильич дал добро.

Но стараться ни о чём не думать было невозможно. Тем более, когда после аварии узнаёшь о себе такие подробности. Итак. Что у нас образовалось на повестке дня до графы «разное»? У меня есть нечто непонятное и плохо понимаемое, а посему совершенно не при-

емлемое. Пока не вернулся участковый, надо попробовать сложить стройный и правильный гербарий из сухих фактов, полученных мною при моём же молчании. Лишний раз убеждаюсь в том, что молчать лучше, чем говорить. И так, но уже под номером два. Я попал в больницу. Очень тонкое и даже болезненное наблюдение. Попал я сюда благодаря участковому, который позавчера вытащил меня... или он сказал «нашёл»? Не важно, как он назвал это действие – я в больнице я благодаря Василию Григорьевичу. А где ещё двое? Что-то мне сдаётся, что память моя всё-таки работает по графику и то видение, как травмировалась голова водителя, не есть следствием моей отключки более чем на сутки, а есть правдой. Я точно видел, как вдавливаемая крыша «Жигулей» просто отрезала ему часть головы... не приведи, Господи, такую смерть. Дальше. Где мужик с переднего сидения? Где мои вещи, я про сумку, и где мои документы? Я не Олег Ильич, я даже совсем не Олег Ильич со званием, оружием и удостоверением. Немного подгоревшим. А с какой радости удостоверение подгорело? От него кто-то прикуривал? Стоп-стоп-стоп... Если я принят за того мужика по его документам, то он – это я. У него мои документы! Надо быстро найти Александру и узнать, в какой палате он лежит. Лежит... а почему он не лежит в одной палате со мной? Тут, вон, ещё три пустых кровати... или больница настолько пустая, что каждому больному по палате дают? Глупость какая-то.

Подняться на ноги с кровати оказалось легче, чем я думал. И ходить было не очень больно. Кстати, о ходить. Я сутки в туалет не ходил, меня что, уткой баловали? Стыдоба! Здоровый мужик и под себя... в утку. Это, любопытно знать, Александра меня этим прибором пользовала? Ей бы у Будённого комдивом служить...

Призывно скрипнув дверью на весь коридор, я выдвинулся на шаг из палаты. Передо мной предстала обычная больница, если так можно выразиться. В моём представлении именно так должен был выглядеть сельский стационар. Слева и справа от меня были двери, утопленные в архитектурные ниши. Видимо это были палаты для таких, как я. Палат было не очень много, если я не ошибаюсь в подсчёте, их было шесть. Нет, семь, включая мою. Господи, прости дурака! Семь палат включая ту, в которой я временно находился. Я поплевал через левое плечо и трижды стукнул по деревянной двери.

– Слышу! Иду!

Не желая того, я вызвал к жизни демоншу. Её нежный крик нельзя было спутать с другим звуком.

Александра стремительно вонзила себя в коридор из-за открывшейся двери с надписью «Манипуляционная». С такой же стремительностью, видимо, входит игла шприца, направляемая рукой Александры, в страдающую заднюю плоть пациента. Эта манипуляционная была через три двери от палаты... ага, палаты номер четыре, в дверях которой я маячил. Действительно далеко для того, чтобы сходить туда за телефонным номером. Теперь понятно, кто в больнице старший.

– Чего это тут, а?

– Это я тут чего. Спросить надо.

– Все вопросы к Виктору Макарычу.

– Я не о лечении. Вы не могли бы подойти сюда, чтобы не кричать на весь коридор.

– Ладно. Подойду. Уже подошла. Почему не в койке? Ну-ка, ходи под одеяло!

– Это я успею.

– Ляг и поговорим.

Я подчинился. Всадник против танка не попрёт.

– Чего хотел?

– Где пациенты вашего отделения? Вся Ващановка в здоровых ходит?

– Это к Виктору Макарычу обращайся. Следующий вопрос.

– Здорово общаемся. Ладно. Нас в машине ехало трое. Мои попутчики в других палатах?

– Они в одной палате. В морге. Машина ваша сгорела полностью, попутчики твои... почти полностью. Тебе повезло, майор.

Значит... я майор. Спасибо, Александра, спасибо за информацию.

– Александра... как вас по бабушке?

– Для тебя просто баба Шура. Мне так нравится. Ещё спросать будешь?

– Пока всё, спасибо. Сейчас Василий Григорьевич подойдёт, я у него узнаю остальные подробности. Спасибо ещё раз.

– Ясно! Васька-шлемец за коньяком понёсся. Не упейтесь тут от радости. Если что – я в сестринской. Хотя пить тебе, майор, ещё рано, но всё равно выпьешь, так? Ладно, я в сестринской. Понял?

Отчего же не понять? Небось, не пальцем... Александра, она же баба Шура, пригласила сама себя на коньяк участкового. По-моему, она начала мне нравится.

Но от предстоящей выпивки надо вернуться в реальность. Новости, которыми одарила Александра, нуждались в срочном упорядочивании. Вот то горячее, что в моих воспоминаниях толкнуло меня в спину, было, скорее всего... да не скорее всего, а совершенно точно, взрывом. Когда мы... то есть соображающий я, один из общей троицы ездоков, крутился в перевёрнутой машине, то, а это теперь я точно знаю, запахло бензином намного сильнее. Сильнее, чем когда мы ещё ехали. Могли быть канистры с бензином в багажнике? Могли. А почему взрывается бензин? Потому, что этому способствует концентрация паров. А наличие запаха бензина тому доказательство. Логично? Да. Теперь о морге. Если из нас троих двое уже в лучшем из миров, то, опять, скорее всего, не водитель, а мужик с переднего сидения и был тем майором Олегом Ильичём с табельным оружием. Резонно? Пока да. Откуда у Василия-участкового мои, чёрт, уже заговариваюсь, майорские документы и пистолет, и где мои документы? Если я предположу, что при выполнении из машины я схватил куртку майора, в которой были его вещи, я сильно ошибусь? Наверное, нет. А в таком состоянии, в каком я находился, ощупывать мате-

риал куртки под бодрую бурятскую музыку, чтобы отличить свою куртку от чужой, у меня не было ни времени, ни желания. И совсем не удивительно, что я не обратил никакого внимания на то, что куртка была отягощена пистолетом.

А теперь у меня вопросик к самому к себе. Что мне делать? Соглашаться на то, что я майор Олег Ильич, приехавший в заповедник на Байкале не понятно для чего, или с пеной у рта жестами доказывать, что я другой человек, у которого сгорели вещи и, главное, документы. Доказывать, даже не представляю как, почему это я выжил в одиночку с оружием и документами какого-то майора? Доказывать, не знаю какими аргументами, что это не я подстроил аварию, чтобы завладеть оружием и документами офицера. Объяснить, кроме всего прочего, причину моего прибытия в Ващановку из города-героя Воронежа. А на закуску мне надо будет придумать ответ на глупейший вопрос, который однозначно мне будет задан – не является ли всё произошедшее тщательно спланированной акцией? И вот сейчас, задавая самому себе эти вопросы, я с ужасом понял, что фактов «за» за теорию о спецоперации против майора гораздо больше, чем фактов «против». И не надо даже думать о том, в какую сторону будут думать проводящие следствие. Однозначно не в мою. Тогда назрел главный вопрос: или попробовать выжить на милицейских допросах, или побыть какое-то время майором. Плохо, что и посоветоваться не с кем. Жена поехала к родне в другой край страны, в Белоруссию. Посоветоваться не с кем, а решать надо. Можно придумать себе отговорку и принять окончательное решение после разговора с участковым. Если это можно будет назвать разговором, и если не будет слишком поздно для решений. В моём положении напрашивающееся решение не будет риском, а будет глупостью. Значит я глупец. Я – глупый майор Олег Ильич. Фамилию пока не знаю. Ладно. Бог не выдаст, свинья не съест.

Василий Григорьевич вернулся минут через сорок. Это время я постарался истратить на продумывание своего поведения в качестве совершенно другого человека. Но особой уверенности в реализации моего плана у меня не было. Да и назвать планом то, что я эти сорок минут перемалывал в своей голове, можно было с допустимой погрешностью между понятиями «провал» и «полный провал». Помогая участковому раскладывать принесённые им закуски на соседней кровати, я, от пессимистического «полный провал», плавно перешёл к более весёлому финалу своей поездки, которую можно было бы выразить фразой «видимо, выживу».

– Баба Шура заходила. Сказала....

– Понял-понял! Раз она так представилась, значит надо её позвать. Она в...э

– Сестринской. Стоит у окна и думает: « не идёт ли кто, не несёт ли чего?»

– Я схожу за ней. Не возражаете?

– Не в моём положении возражать.

Последнее предложение я говорил уже в спину, выходящему из палаты участковому. С таким успехом я мог бы проигнорировать его вопрос.

Компания любителей коньяка, состоящая из случайно встретившихся людей и выпивающая по очень сомнительному поводу, приступила к реализации повестки дня через пару минут после возвращения Василия Григорьевича. В этой части Родины не принято долго разводить политес.

– Давайте первую выпьем не чокаясь, – сказал я, пытаюсь удержать течение застолья, а правильное будет сказать «закроватъя», в своих руках. – Мы не знали этих людей...

– Знали. Одного мы точно знали. Это...

– Васька! – Александра строго одёрнула участкового и глазами показала на свою чайную чашку, заполненную коричневой жидкостью почти до краёв. – Налил, так не тормози. Потом поговоришь. Тост был. За погибших. Земля им пухом.

Мы выпили. То, что обещалось, как коньяк, оказалось чем-то домашним, крепким и ароматным.

– Василий Григорьевич, а что мы пили?

– Ага! Понравилось? То-то! Это домашнее производство. Ягоды, пшеница, шайтан-трава и правильная перегонка. Настаивается на орехах.

– Значит и шайтан – трава присутствует? И что это?

– Это, Олег Ильич, багульник. Растение такое. Давайте ещё по одной, а потом поговорим. Пару вопросиков, так сказать, решить надо. За что пьём?

– За моё выздоровление и ваше не боление.

Домашний коньяк со знанием дела начал говорить рифмованными глупостями, используя в качестве своего рупора мой захмелевший язык. А может, подействовала шайтан-трава.

– Согласны с тостом, баба Шура?

– Нет тоста, за который я не выпью!

Закусывали мы свежим хлебом и чем-то консервированным из банки.

– Теперь, так сказать, к делу. Про погибших. Один нам известен. Водитель. Он из местных. Борис Колесников, 1972 года рождения. Он, собственно, мне отзвонился и доложил, что вас уже встретил. Но, когда по всем подсчётам, его машина не появилась, я на своём Уазике поехал вам на встречу. Ну и, как говорится, нашёл... вот, значит... Хотя Борька хороший водитель, я даже...

– Только говорливый очень. Его не переслушаешь. Ему обязательно надо в глаза собеседнику заглядывать, он даже на руль головой ложился, чтобы в лицо заглянуть. Я несколько раз просил его на дороге смотреть.

– На счёт языка это верно. Помело. Ой! О покойниках либо хорошо, либо... выпьем?

После третьего тоста я стал более словоохотливым и едва не сказал, что это мне Колесников в глаза заглядывал. А ведь по правде он майору заглядывал. А я сидел сзади. Но ведь это я майор и то, что сзади я сидел... я, который я по-настоящему, а теперь стал майором вместо

настоящего майора, который спереди, а я говорю, что я, то есть я сам сидел и не мне в глаза... Господи! Запутался окончательно. Надо постараться побольше молчать, чтобы не проколоться, как с этими глазами. Итак, молчать майор!

В крепком молчании с моей стороны мы снова выпили и закусили.

– Василий Григорьевич, у вас было пару дел, которые надо было решить....

– Так точно! В вашей куртке нашли портмоне. Сами понимаете, нам пришлось проверить его содержимое. Мы ведь вас в лицо не знали, когда вас там... подобрали. В этом самом портмоне было восемьсот долларов, так сказать, США, двадцать тысяч наших рублей, кредитные карточки и визитки. Мы перезвонили, сами понимаете кому, и доложили о вашем приезде. Сделали всё, как положено. Не в первый раз.

– И что вам ответили? Не поинтересовались, почему я сам не отзвонился?

– Спросили. Я сказал, что трудная дорога, и вы пошли отдыхать. В общем, всё в порядке. Не в первый раз.

– А ничего, что среди вас дама? Я ваши деловые переговоры слушать не собираюсь. Или никто не собирается наливать?

– Баба Шура! Простите нас! Василий Григорьевич у нас сегодня виночерпий. Баба Шура, я бы с радостью пригласил вас на танец (что ты несёшь, урод?!), но я не в форме. О делах закончили.

– Заканчивать рановато. Я, конечно, извиняюсь, но есть кое-что, так сказать, срочное. Я быстро доскажу. Мы приготовили для вас домик в заповедной деревушке, но у нас есть ещё, так сказать, гостиница. Где вам удобнее остановиться?

– В деревушке.

– Я так и думал. Там... одним словом, там удобнее будет. Всё, дела закончены.

– Нет! Васька, так дела никто не делает. Хотя, что с мужиков взять? У майора вся одежда испорчена, ему надо приодеться? Надо. А телефон майора где? А всякие нужные бытовые мелочи? Дела он решил... Командовать мне придётся. Утром на своей колыхаге свезёшь майора в райцентр, там магазины получше. Оденетесь и продуктов подкупите. В вашей деревушке на сухом пайке сидеть придётся. Понял? А теперь наливай!

– Вот такая у меня тётка, майор. Ей бы, так сказать....

– Комдивом к Будённому.

– Откуда знаете?

– Работа такая.

А что я такого ляпнул, что они так резко замерли?

– Нет, как говорится, откуда знаете? Тётя Шура по правде родственница Будённого. Семёна Михайловича.

– Вы ещё не раз удивитесь, Василий Григорьевич узнав, сколько мне известно. Но сейчас не об этом. Предлагаю выпить за любовь!

Меня уже несло бесконтрольно. Но, слава Богу, всё закончилось благополучно. Напились и наговорились обо всём, о чём хотели. Были и местные анекдоты, я что-то рассказал, выдавая за столичные шутки. Одним словом, на этом этапе провала не получилось. Радуюсь этому, я отправился спать.

Поездка в райцентр за покупками прошла без дополнительных трещин в моей легенде. Физически я сравнительно легко перенёс на ногах четыре часа, которые ушли на саму поездку и на хождение по магазинам.

Дорога из Ващановки в райцентр была одна. Я имею в виду одна асфальтированная. Поэтому нам с участковым дважды пришлось побывать на месте аварии, в которой, по навязанной мне легенде, я и погиб.

Участковый старательно развлекал меня разговорами ни о чём. Даже проезжая мимо сгоревшего остова машины, который так и остался лежать около указателя на Ващановку, Василий Григорьевич не умолкал, старательно освещая посторонние темы. Одно в нашей поездке меня успокаивало – участковый глаз от дороги не отводил.

Уже на подъезде к посёлку я, старавшийся всю дорогу слушать милиционера и не менее тщательно пытавшийся уловить подвох в его словах или в его поведении, попросил остановить машину.

Участковый прижался к обочине, проехав по инерции ещё метров семьдесят, плавно перевёл движение УАЗика в состояние «типа я встал. Ну и...»

– Что-то не так? Я думал, что вы дотерпите до отделения. Там, как говорится, нормальный туалет.

В моей голове начала формулироваться не очень приятная мысль – либо участковый считает меня, скажем так, простачком и, кстати, делает это с дальним прицелом и, что особенно плохо в моём положении, по чьей-то просьбе, либо он уже разобрался, кто есть кто. Другими словами, он понял, что никакой я не майор и никакой я не Олег Ильич. Просто доигрывается спектакль по наспех переписанному сценарию. Мне выделена роль подставного клоуна, который сделает по чьей-то указке нужные действия (а ведь настоящего майора здесь ждали и даже машину за ним отправили), а потом пропадёт в бескрайних просторах прибайкальских лесов. Для всех заинтересованных будет достаточно свидетельств о пребывании в Ващановке официального лица с полномочиями, которое, выполнив свою миссию, благополучно убыло в неизвестном направлении. В результате будет решена местная проблемка при полном отсутствии ответственности за последствия. Или кто-то, находясь в моём положении, не стал бы думать о таком развитии событий? А то, что сценарий переписывался очень быстро, сомнений не вызывает. И причина для такого изменения имеется – автомобильная авария с жертвами. Очень вовремя и очень кстати случившаяся. И как мне поступить? Продолжать делать вид,

что ничего страшного, кроме гибели моих попутчиков не произошло и ещё недельку попить местный коньяк, разбавленный каким-то интересом участкового? Или попробовать распушить крылья и показать себя настоящим майором? С гонором, с привычкой власти и подобными прелестями майорской службы? А интересно, чего именно я майор? Какого рода войск, или какой именно структуры? Нет, этот вопрос в списке первоочередных не значится, есть кое-что и поважнее. Мне надо в этой Байкальской глубинке не пропасть и даже выжить с пользой для себя. А для этого надо играть свой спектакль, или подыгрывать участковому и тому, кто так резко, как мне кажется, изменил сценарий. Итак, принимается решение! Я майор, зовусь Олег Ильич, мужик не пальцем сделанный и прямо сейчас показывающий свои зубы всем, кто не понял, с кем имеет дело. Шашки наголо! В атаку!

– Василий Григорьевич, голубчик, а вы ничего необычного за сегодняшнюю поездку не заметили?

– Да... нет... вроде. А что, как говорится, не так?

На подфуражечном участке лобной поверхности у лейтенанта появились складки от удивлённо приподнятых бровей.

– Не так? А действительно, что не так? Ехали вы скоро, но аккуратно, покупки у нас нужные, но недорогие. В самом деле, Василий Григорьевич, всё в порядке. Только....

– Тогда я, как говорится, не допонял.

– Ладно. Объясняю. Мы дважды проехали мимо места ДТП. Дважды! А меня никто, почему-то, не спросил о подробностях этой аварии. Никому уже не интересно? А вот в первый ваш приход в мою палату, первым вашим вопросом был именно вопрос о причинах ДТП. Теперь я, Василий Григорьевич, должен спросить, что не так? Где протокол с места происшествия? В вашей Ващановке есть подразделение автоинспекции? Нет? Тогда это ваша работа. Тем более это именно вы забирали меня с места аварии. Вам лично не интересна причина аварии? Почему не опросили меня под роспись? Почему до сих пор машина лежит вверх ногами? Почему акт экспертизы не вдохновил вас на поиски настоящей причины ДТП, а не на ссылку на болтливость водителя?

Участковый смотрел в сторону и молчал. Пальцами он отбивал по баранке какой-то ритм. Слава Богу, не бурятский.

– Молчание не есть ответ. Я, Василий Григорьевич, очень ценю гостеприимство и я благодарен вам за то, что вы сделали для меня. Но дело важнее. Не согласны?

– Вы понимаете....

– Нет. Со своей стороны я не понимаю.

– Не было экспертизы. Акта, то есть, не было.

– Не обижайтесь, но я задам глупый вопрос. А где акт? Его ещё не делали? Или....

– Он... его отправили... в Еланцы его отправили. Вчера.

– Сказочно! А вы его даже не прочли? И копию вам не дали? На вашей земле, дорогой мой участковый, не ДТП было, а убийство! Это на вашей земле было, а не в Еланцах. Что же вы у патолога не поинтересовались, что он нарыл в двух телах?

– Какое... какое убийство?! Вы....

– Какое? Обыкновенное. Убийство всегда убийство – это лишение жизни, разными бывают мотивы и способы совершения. Так что для вас разницы нет, какое убийство. Впрочем, для меня тоже в этом смысле нет разницы.

– Я не понимаю!

– Так! Слушать сюда! Я в последний раз извиняюсь за свой тон и благодарю за гостеприимство, но теперь перехожу на официальные рельсы. Кто знал, что я сюда еду? Вы. Кто ещё?

– Ну... мне звонил Ермоленко. Это начальник мой... наш... из Еланцев. Капитан.

– Что. Он. Вам. Сказал. Лейтенант, соберитесь и быстрее отвечайте. Вам звонил капитан Ермоленко, так? Что он сказал?

– Сказал, что сюда едет большой перец... ой, извините.

– Перец, так перец, не суть. Сказал, что я еду. Так? Для чего? Почему он сюда звонил?

– Он сказал, что по делу о рыбаках что-то не понравилось в Иркутске и телега пошла в столицу. Эти рыбаки... они москвичи, в общем. Ну и едет перец, извините, вырвалось. Едет офицер ФСБ-шник проверить на месте, как велось следствие.

Ни хрена себе! Я из ФСБ! Может попросить у лейтенанта пистолет и по-тихому присоединиться к моим попутчикам в морге? Подмышечные отсеки срочно запросили дезодорант суточного действия и противно вспотели ладони. Одно хорошо – теперь я почти всё о новом себе знаю. Ну, и похороны должны быть у меня красивыми.

– Это я понял. Что дальше?

– Мне надо было вас встретить. Но... я не смог, вернее... Ермоленко сказал, что мне самому ехать не надо, можно просто отправить машину. Я так и поступил. А про убийство....

– Понятно. Следствие по ДТП тоже Ермоленко застопорил? Не слышу?

– Ну... да.

– Я кое-что тебе расскажу, а вы вникайте в каждое моё слово. Тот водитель, Царствие ему небесное, был, конечно, редкий балбес. Но авария процентов на двадцать на его совести. Машину, в которой мы ехали, ждал громадный грузовик. Может быть и армейский, я пока в этом не уверен, но разберусь. Номер я запомнил. Почти весь. Так вот. Слушай, давай перейдём на «ты»? Согласен? Хорошо. Так вот. Когда мы попали в зону его действия, он с потушенными фарами вылетел на дорогу. Свет включил метрах в пяти от нас, понимаешь? Он ослепил

нашего водителя, который попробовал уйти от столкновения. Только вот спастись не случилось. Бампер грузовика разрезал крышу «Жигулей», разрезало как консервную банку. Причём, разрез был такой глубокий, что у водителя срезало половину головы. Ты понимаешь, что я говорю?

Василий Григорьевич смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Причём настолько широко, что через зрачки был виден затаившийся мозг.

– Теперь вопросы. Кто в ваших краях по ночной и тёмной дороге рассекает без света? Почему тебе не достался акт экспертизы, если он вообще был? Кому ты будешь пересказывать наш разговор? Отвечай быстро!

– Я... у меня нет ответа... ответов.

– Это я уже и сам понял. О разговоре перед Ермоленко отчитываться будешь?

– Нет. Точнее... да. Нет, но.... А не было разговора. И отчёта не будет. Но ведь я этого не знал. Правда, не знал. Мне....

– Василий Григорьевич, это твоя земля, сечёшь? Твоя. И интерес у тебя должен быть ко всему, чтобы быть в курсе. Кто что сделал, сказал или только подумал – ты всё должен знать. Своими руками шупать и своими глазами видеть. Иначе за ненужностью тоже вечером встретишься с таким грузовиком. Кстати, а где больные из стационара? У вас не болеют?

– На пару дней всех по домам отправили.

– Из-за меня?

Лейтенант кивнул головой и снял фуражку.

– Что дальше делаем?

– Едем в отделение. Я забираю свои вещи, дела по рыбакам и ты отвезёшь меня в домик. Ермоленко пока не говори о моих вопросах. Через пару дней решим, как поступать. Ясно?

– Да, понял.

– Тогда трогай в сторону, как говорится, нормального туалета.

Шутку участковый не оценил. Оставшиеся километр-полтора Василий Григорьевич ехал молча, сосредоточенно вглядываясь в окружающий мир. Его явно расстроил наш разговор, это было очевидно. Только мне было не понятно, что именно из нашей беседы его расстроило – или то, что я о чём-то догадался раньше времени, или то, что я рассказал ему о том, чего он, почему-то, не знал. Должен сказать, что и я не в радостном состоянии ехал. Не могу найти повод радоваться тому, что я узнал о себе такие не простые подробности.

Проверяющий из ФСБ! К нам едет ревизор! Из столицы! С предписанием! Не залечь бы мне в могилку раньше времени из-за такого предписания. Надо созваниваться со своими и просить подмогу, пока ещё есть время. Тем более что дело, из-за которого я сюда ехал, я даже ещё

не начинал. Одним словом – я попал. По-взрослому. За такое попадание можно даже и мастера спорта получить. Как пожизненный титул. Но, посмертный.

Около отделения лейтенант остановился намного быстрее, чем тогда, когда я его просил. Целеустремлённо выталкивая своё тело из машины, участковый в движении надел свою фуражку и уже не так неуверенно, как во время последнего разговора, а почти по-строевому, развернулся на месте и сделал три шага в мою сторону. Я как раз потягивался, похрустывая уцелевшими после аварии косточками.

– Ты сказал, что запомнил номер. Это правда?

– Не совсем. Я запомнил две последние цифры и две буквы. Вообще-то мне показалось, что номер на машине висит ещё с советских времён. Ты помнишь старые номера? Там две пары цифр через чёрточку и три буквы. Без регионального числа. Но на этом номере было только две буквы. А кто использовал подобные двухбуквенные знаки?

– Кто?

– Армия.

– Я хотел бы, чтобы ты сообщил мне те цифры и буквы.

– Подобной интонацией обычно сообщают об аресте. Я арестован? Или задержан?

– Мне просто не по себе оттого, что ты сказал. Я, как говорится, был уверен, что всё и обо всём тут знаю. А оказалось....

– Не рви сердце, лейтенант. Я помогу, чем смогу. Но, и меня понять можно. Я не успел ещё приехать и полслова сказать, а уже попадаю под машину-невидимку. Проходит трое, нет, уже четверо суток, а никто ничего не знает и не делает. Я в чём-то не прав?

– Я всё понимаю. Но ты и меня пойми, я же....

– Всё-всё. Следующий час мы потратим на то, что будем друг друга понимать. Давай к делу, а? Нам ещё в заповедник ехать.

Участковый покачал головой и, теперь уже по-цивильному развернувшись на месте, направился к входу в своё отделение. Не оборачиваясь, он помахал мне рукой, приглашая следовать за ним.

В его кабинете с сейфом, старым глобусом и картой озера Байкал с прилегающими территориями, мы задержались на пяток минут. Из громадного и полупустого сейфа на стол выплыли «мой» вещи – пистолет в наплечной кобуре, обгоревшее удостоверение и пластиковый пакет с какими-то бумагами. Портмоне майора я получил сегодня утром. После недолгого раздумья на столе появились картонные папки под грифом «Дело».

Рассовав всю «мелочь» по карманам, папки я положил в пакет с рекламным слоганом какого-то мобильного оператора.

– Олег Ильич, как говорится, не положено. Ты же сам понимаешь, – участковый глазами показал на пакет, в который я сложил папки с делами рыбаков.

– Василий Григорьевич, послушай, что скажу. Из этих дел, которые я просмотрю в заповеднике, я узнаю не больше, если буду читать их в твоём кабинете. Логично? Тогда за информацию тебе переживать не стоит. В противном случае тебе придётся дважды в день мотаться в заповедник за мной. А может и чаще. Кроме того, вдвоём сидеть в кабинете мне не светит, да и тебе стеснительно будет. И последнее. При том, что я у вас наблюдаю, не совсем уместно говорить о непопавшем. Или ты мне просто не доверяешь?

– Да, в общем, нет, но... Ладно, забирайте. Только, как говорится, никому ни звука.

– Мы снова договариваемся. Ты никому ни слова, и я никому. По рукам!

– Да, но... Нет-нет, я не об этом, конечно, по рукам! Я про... А! Чёрт с ним! Олег Ильич, поехали к вам в заповедник и выпьем, а? Нет у меня сегодня настроения на службе торчать. Как моё предложение?

– Принимается. А где будем брать коньяк?

– А он с утра в машине дожидается, не в первый раз! Я как чувствовал, что пригодится.

– Ладно, тогда по коням! Будем бабу Шуру брать с собой?

– Перебьётся. У нас мальчишник.

Делал ли я анализ нашему разговору с участковым? Не знаю. Во-первых, слово анализ слишком громкое для моего случая, а во-вторых, любая моя попытка сконцентрироваться на любой мысли разбивалась неожиданно возникающим из тишины голосом участкового, который привлекал моё внимание к каким-нибудь природным достопримечательностям, мимо которых мы в данную секунду проезжали. Он, стервец, словно подслушивал мои мысли и сбивал с них. Одно, правда, мне удалось кое-как сформулировать для себя – я в разговоре с лейтенантом был очень непоследовательным в выражениях своих эмоций. Если бы сейчас вернуться в тот наш разговор, то я бы более обстоятельно выражал свои мысли. А так... Хотя, что «а так?» Основную идею я таки донёс до слушателя, и результат получился такой, какой мне надо. Может, я и лицу себе и результат таков, каков нужен кому-то, но внешне всё выглядит так, как нужно мне. И совершенно непонятно откуда в голове стрелой пронеслись не мои слова, очень конкретные и, поэтому, правильные. Общий смысл был таков – я буду в относительной безопасности до тех пор, пока участковый не передаст тревожной информации в Еланцы капитану Ермоленко. И что это может значить? Только одно. Участковый должен видеть во мне друга и безопасного для себя офицера. Каковым я и являюсь. Следовательно, мне надо на тормозах спустить дело о ДТП и не будить праведных чувств участкового относительно его же руководства. По силам ли мне это? Думаю, что по силам. Значит, разговоры с лейтенантом будут плавные и ни о чём. Побольше расспрашивать о нём, и отшучиваться о себе. Запоминается последняя фраза. А это тут при чём? Э-э, батенька, тревожный у вас симптомчик наблюдается, да-с.

Вечер прошёл спокойно. Я был представлен научному сотруднику, ранее существовавшему институту. Он был то ли куратором, то ли главным природоведом в этом Байкальском

заповеднике. Давно пенсионного возраста с дворянским воспитанием и благородными манерами, Сергей Станиславович Штраух, как он отрекомендовал себя, был, не смотря ни на что, мужчина крупный, но не в смысле толстый. Проведя последние лет пятьдесят в чистой природе на свежем воздухе, он смог заставить меня скривиться от боли, когда начал демонстрировать свой рукопожатие. Аккуратная седая борода замечательно гармонировала с густыми седыми бровями. Больше волос на голове не произрастало.

Глава 3

Олег Ярков

Весь жилой комплекс, на этом участке заповедника, представлял собой шесть, стоящих по кругу, деревянных домиков. Одноэтажные и двухкомнатные срубы, были, достаточно, удобными и с минимальным количеством мебели.

Практически, в центре площади, ограниченной этими домиками, было нечто среднее, между столовой, под открытым небом, и летней кухней с каменной печью, топившейся дровами. Немного обособленно стояло двухэтажное кирпичное здание, служившее господину Штрауху и жильём, и архивом и кабинетом. Электричество, слава Богу, присутствовало. Телевизор тоже.

Метрах в ста от печки, так легче ориентироваться, находился пирс. Дорога к нему вела довольно узкая даже для двух человек, идущих рядом. Эту дорогу с обоих боков охраняли здоровенные кедры, совершенно не соглашавшиеся на расширение дорожного полотна. Видимо, об этом их никто и не просил, что создавало уютную определённую в отношениях между людьми и деревьями.

Около пирса, на каменистом берегу, лежали перевернутые вверх дном четыре лодки. Дальше берега начинался Байкал.

Не просто рассказывать о том впечатлении, какое на меня произвел вид этого озера. Оторвать глаза от этой красоты я смог только тогда, когда участковый дёрнул меня за рукав.

– Мы уже стол накрыли, кличем тебя минут десять. Пошли!

– Ты всю жизнь прожил возле этой красоты?

– Да. Пошли!

– Я такого раньше не видел.

– Ещё налюбуйся. Пошли!

Вот, примерно, так чувство восприятия прекрасного, разбивается о реальность с коньяком, закуской и погонами майора ФСБ.

Посидели мы, к моему удивлению, славно. Именно так хорошо может пройти застолье у трёх мужиков, которые друг с другом не связаны – ни работой, ни общими интересами, ни родством, ни деньгами. Каждый, по своему, умничал, стараясь придать себе больше значимости. Остальные, слушая, не зло подшучивали, превращая чью-то речь в общую шутку.

Две вещи не выходили у меня из головы в тот вечер. Одна из них – это ощущение оттягивания какого-то действия или разговора, неминуемо приближающегося и, по-моему, очень нежелательного. Усугублялось это ощущение ещё и тем, что я не представлял себе даже примерно, что мне надо будет, в обозримом будущем, сделать или сказать. Второе, что мешало мне полностью раствориться в атмосфере наших вечерних посиделок – желание срочно, прямо сей-

час оказаться на берегу озера, откуда меня забрал участковый. Что мне там надо было, не знаю, но время от времени я усилием воли вдавливал себя в скамейку, чтобы не встать и не уйти. И дело было, как мне казалось, не в красоте пейзажа. Наверное, я скажу глупость, но тогда я был почти уверен – меня звали на берег. Но, в остальном, застолье проходило очень приятно.

– Сергей Станиславович, – участковый на секунду прервал процесс наполнения стаканчиков коньяком, – я запомнил, сколько лет вы живёте на озере?

– Давно, юноша, слишком давно. С пятьдесят второго года.

– И без... семьи?

– Не сложилось как-то. А что?

– Нет, ничего. Недавно в газете прочёл, что нашли новый вид этих... косуль. У нас, кстати, гуляют эти косули.

– Вы на что намекаете?

– Упаси Бог! Просто вы половину столетия без семьи, то есть без женщины... Должны, я подозреваю, не только новые косули появиться...

– Я понял вашу мысль. Вы правы. Косули моя работа. Но другие мои эксперименты менее удачны. Получаются только участковые милиционеры.

– Папа! Наконец-то встретились!

Где-то так всё и проистекало.

Проснулся я в домике, в который был определён на постой. Стояло, моё новое и временное жилище, рядом с двухэтажной резиденцией дворянина Штрауха.

Собственно говоря, это он меня и разбудил.

– Доброе утро, вчерашний гость. Не сердитесь, что я прервал ваш отдых?

– Доброе. А что толку сердиться? Заснуть уже не смогу. Как ваше состояние?

– А ваше?

– По пятибалльной системе – твёрдая двойка. Не привык я к шайтан-траве.

– Тогда соглашайтесь на завтрак со мной. Стол сервирован на берегу, вы там вчера уже были. Жду вас через пять минут.

Профессор встал и бодрячком направился к выходу. Переступая через порог, он взялся рукой за дверной откос. Не так уж бодро он себя самоощущает, как хочет показать. Значит, прямо с утра начнём выпивать. А почему я его профессором назвал?

Участок берега, на который я выходил полюбоваться озером, уже не так потрясал воображение, как вчера. Те же перевёрнутые лодки, те же камни вместо песка и тот же пирс. Но вчерашнее впечатление было намного сильнее.

Завтрак оказался продолжением ужина, только теперь камерным составом. Начавшийся вялотекущий разговор касался практически всего, что попадало в наше поле зрения. У меня создалось впечатление, что наша беседа была нужна только для того, чтобы размять губы и язык после ночного отдыха и перед серьёзным разговором. Который, кстати, не заставил себя долго ждать.

– Олег Ильич, простите старика, но вы совершенно не похожи на сотрудника правоохранительных органов.

– Я маскируюсь и втираюсь в доверие.

– Нет, это не то. Вы маскируете что-то совершенно иное. Взять, к примеру, Василия. Он, хотя и милиционер, но в душе совершеннейший романтик, прочувствовавший на своём опыте несоответствие детского представления о милицейской службе дяди Стёпы, знаете, о ком я говорю? Вот и славно! Так вот, несоответствие дяди Стёпиного милицейского романтизма, с реальностью властной системы, имеющей тот же милицейский подтекст. Василий уйдёт на пенсию располневшим и, в лучшем случае, старшим лейтенантом, наручными часами и грамотой за долгую службу. Не перебивайте! Василий – участковый, который любит спокойную жизнь, и пожелания доброго здоровья при встрече со знакомыми. Ему прикажут что-то сделать – он выполнит, не скажут – он и тосковать об этом забудет, понимаете, куда я клоню? А ваша структура, в которой вы до майора дошли, она не посёлок курирует, она за всей страной следит. И сюда вы приехали не на природу любоваться, а, скорее всего, следствие, по поводу гибели двух человек, до конца довести. Я прав? Я прав. Только человек-то вы не того склада, чтобы среди преступников и покойников вращаться. Тем более в одиночку. Я ваших коллег из предыдущего ведомства видал.

– После ваших слов мне надо показать вам наколку «Не забуду КГБ и маузер Дзержинского»? У меня такой нет.

– Ваш шуточный тон только убеждает меня в моей правоте. Но не хотите говорить – не говорите. Вы мой гость и я принимаю любую вашу легенду. Не желаете ещё по одной?

– С удовольствием, Сергей Станиславович, с удовольствием, тем более что разговор у нас с вами только начинается и «случится долгим быть ему».

– Любите стихи?

– В разумных пределах. Рассказали бы вы мне об этом месте, а? Ваше здоровье!

– Расскажу, отчего же не рассказать? Место, в котором вы находитесь, есть заповедная зона, некогда принадлежавшая Иркутскому филиалу Академии наук. После девяносто второго года наша наука стала угасать, что неминуемо отразилось на таких отдалённых участках, как этот. Экспедиции в наш посёлок стали делом редким, научный интерес к флоре и ихтиологии угас, почти, полностью. Сюда чаще приезжают нувориши на шашлык и на рыбалку. Одно хорошо – не жгут костры и природе не портят эти приезжающие.... А так... свернулись мно-

гие, уже профинансированные, проекты. Поговаривают, что какое-то ассигнование выделяется и поныне, но деньги до нас не доходят. Где-то по дороге сюда оседают.

– Редкое финансирование долетит до середины Байкала?

– Где-то так.

– А на что вы живёте?

– Пенсия, кое-что получаю от переиздания моих монографий. ... Да и не надо мне много. Привычка жить отшельником, парализовала многие греховные желания из прошлой городской жизни.

– То есть денег хватает?

– Да что вам за интерес до моих денег? Уж не ограбить ли хотите?

– Грабить не мой профиль. Я, тут, по-другому поводу. Скажите, Сергей Станиславович, а этот семидомный посёлок с персональным пирсом кому-то принадлежит?

– Кому-то персонально – нет. Видите ли, эта территория находилась на балансе института дендрологии и растениеводства при Иркутском филиале отделения природоведческих, так сказать, наук, который, объединившись с другими отдельными отраслевыми институтами в институт по изучению Байкала, был упразднён. Документы по этой исследовательской базе кочевали из кабинета в кабинет, пока окончательно не затерялись. Я об этом знаю только по слухам, и свидетельствовать не возьмусь, но уже шестой год сюда из руководства института никто ни одной бумажки не прислал, не говоря уже о том, чтобы лично приехать. Видимо, абстрактно, кому-то он и принадлежит, а вот кому персонально – загадка.

– Действительно, загадка. А давайте ещё разик выпьем, и я попытаюсь разгадать эту загадку? Что скажете?

– В моём возрасте, молодой человек, мне уже всё едино, что иметь – загадку или ответ на неё. Надеюсь только, что смогу спокойно дожить среди этой природы. Ваше здоровье!

– И всё-таки я попробую. Надо же как-то приятно провести время в приятной беседе.

Сергей Станиславович погрузнел лицом. Отвечать он мне не стал, а только несколько раз с силой провёл ладонью по голове.

– А вы знаете, Сергей Станиславович, как по-чешски будет «лысая голова»?

– Нет.

– Чиста глава.

– Зачем вы мне это сказали?

– Откуда мне знать? Взял и сказал. Вы ведь тоже мне кое-что сказали просто так, вроде без причины и цели.

– Вы о чём?

– О настоящем хозяине этой деревушки, – я пальцем показал себе за спину. – Вернее о незнании настоящего хозяина. И я не спрашивал вас: «Зачем вы мне это сказали?»

– Что вам от меня нужно?

– Только одно – ваше внимание.

– Этого у меня в достатке.

– Тогда я начну. Ваша прозорливость меня не то, чтобы, поразила, а, скажу так, впечатлила. Я попробую рисануться тем же. Слово «рисануться» вам понятно?

– Мне многое понятно в вашем лексиконе.

Добродушия в голосе моего собутыльника уже не было. Да, и не нужно мне его добродушие на этом этапе откровения.

– Вот и хорошо. Тогда я продолжу. Известен ли вам некто по имени Кац Андрей Рафаэлевич?

– Не припоминаю. А вам он знаком?

– Мне? Этот самый Кац мне не только не знаком, я даже до недавнего времени просто не подозревал о его существовании.

– В этом мы с вами едины. Выпьем?

– Пока нет. Этот самый Кац был вашим завкафедрой. Теперь вспоминается пятнадцатилетнее прошлое?

– Что вам угодно от меня? К его....

– А почему не продолжаете? Как угодно, я сам могу продолжить. К его смерти, вернее к его убийству, вы никакого отношения не имеете. Это вы не договорили? Можете не отвечать. Меня ни Кац, ни его смертоубийство не волнуют абсолютно. Эту тему я с вами обсуждать не буду. Я коснусь вопроса ваших с ним прижизненных контактов. Не возражаете?

– У меня складывается впечатление, что вы старательно опутываете меня какой-то паутиной. Вы говорите много окольных, демонстрируя свою осведомлённость о моём прошлом. На чём вы хотите меня поймать? На том, что я скрыл правду о моём знакомстве с Кацем и об этом поселении?

– Да не хочу я вас ловить! Я точно знаю, что произошло на самом деле. С этим самым Кацем вы сознательно припрятали документы по этой турбазе. Ничего, что я так её называю?

Конечно, ничего. И документы эти вы держали у себя весь период, пока реформировали ваши храмы науки. Зачем? Чтобы продать. Не знаю, как с точки зрения морали потомственного интеллигента, выглядит ваша махинация, но с материальной стороны, я вас понимаю и одобряю. Если бы вы не держали хвост по ветру, эту турбазу присмотрел для себя кто-нибудь другой. Но, и это, тоже, не моё дело. А вот теперь о том, что для меня кажется важным во всём вышесказанном. А именно... вам не интересно? А то, смотрю, вы отвернулись....

– До финала далеко? Когда вы перейдёте к прямому шантажу?

– Ладно, перехожу. Через пару своих знакомых вы вышли на некоего Самсона. Хорошенькое имя, не находите? И ладно. И, значит, с этим Самсоном, ныне проживающим в Воронежской губернии, вы столковались о купле-продаже этой турбазы за определённую сумму. Всё правильно?

– Я определённо не ошибся в вас. Шантаж, таки, имеет место.

– На сегодняшний день, имеет место факт вашего, необоснованного, молчания. Был договор, были определены сроки сделки, а вы вдруг замолчали. Я тут по просьбе Самсона. Если у вас всё в порядке, то я проверяю всю документацию и даю отмашку на доставку для вас оговоренной суммы. Если же произошли изменения, то я вправе знать о них и проинформировать господина Самсона. Всё-таки не копеечное дело вы с ним затеяли. Если же вы по-прежнему считаете, что это шантаж, то просто ничего мне не говорите. Только именно вы явились инициатором этой сделки. Итак. Каков ваш респонс, силь ву пле?

– И появились вы тут, как два в одном, – сказал Штраух так, как будто продолжал прерванное предложение. – Как майор ФСБ вы переполнены информацией, а как посол от Самсона вы легко входите в доверие и не даёте мне возможности хоть что-то объяснить.

– Ничуть не бывало! Вы не барышня, чтобы я пользовался вашим доверием. Я всего-то обозначил свою позицию. Или скажу так – я открыл свои карты. Я сделал первый ход и задал вопрос – как обстоит дело с куплей-продажей. Что вам есть ответить? А хороший каламбурчик получился бы, – я начинал пьяненько подхихикивать. Ясно осознавая своё хмельное состояние, я решил на время прервать разговор. – Что вам есть? А что вам пить? Не смешно? Мне тоже. Ладно. Предлагаю такую схему нашего общения. Итак. Вы знаете, кто я такой, я знаю о вас то, что надо по нашему делу. Сейчас обсуждение прекращаем, ещё по чуть-чуть выпьем и встречаемся вечером для продолжения разговора. Я не требую от вас ничего, я только предлагаю. Что вы ответите?

– Вечером и впрямь будет лучше... продолжить. У меня есть один вопрос. Какие... санкции вы можете применить ко мне, если вам не понравится мой ответ на ваш, если так можно выразиться, вопрос?

Санкции?! Он что, серьёзно? Совсем обалдел старый!

– Вечером я вам всё расскажу. Только не придумывайте причины для срочной поездки куда-нибудь в даль светлую. Лучше со мной вечером обо всём поговорить, чем попозже с моими коллегами. Хотя это я зря сказал, вы мужчина серьёзный. Помочь со стола убрать?

– Спасибо, нет. Это моя привилегия. Ступайте отдыхать. Я к вам зайду. Попозже.

Мне ничего не оставалось, как отправиться к себе в домик. Повалившись на кровать, стоящую вплотную к стене, я постарался собраться с мыслями перед вечерним разговором. Но легче было мгновенно протрезветь, чем нащупать хоть одну спокойно стоящую мысль из целого копошащегося клубка. Хотя, вру. Одна, не то чтобы полумысль, а скорее полуна-мёк, всё же зацепилась за что-то в голове и звучала она примерно так – не всё так просто, как хочется. После расшифровки она имела следующий вид – будет обнаружена связь между убийством рыбаков и затянувшимся молчанием Штрауха. И на редкость противной окажется эта связь.

Чтобы проверить свою догадку я решил почитать материалы по убийству на этой турбазе, благо они, эти папки с материалами, были в моём распоряжении. Но хмельная лень оказалась сильнее трезвой рассудительности, и я остался лежать на кровати. Заснул я в той же позе.

Пробуждение пришло оттого, что какой-то посторонний стук сильно диссонировал с при-свившейся мелодией. Когда я открыл глаза, то увидел, что источником стука была кисть пра-вой руки хозяина посёлка, стоящего около стола в центре комнаты.

– Вы уже пришли... А если бы я был с дамой, вы также вошли бы без... этого... разре-шения?

Первая шутка, после пробуждения, показалась, мне самому, глупой сразу же, после её произнесения.

– А в этой глуши вам неоткуда взять даму. А то, что я самовольно зашёл... так простите великодушно. Я довольно долго стучал в дверь, но вы...

– Ладно. С вопросами этикета разобрались. Меня, ваша шайтан-трава, свалила в сон. Я сейчас умоюсь и...

– Извольте! Я подожду. Спешить нам с вами некуда.

Умываться пришлось перед большим зеркалом, но из маленькой миски, которой надо было зачерпывать воду из накопительного бака. Но, это были не те неудобства, из-за которых стоило расстраиваться.

Вернувшись в комнату, я застал моего единственного соседа в этой части Прибайкалья за приготовлением чая.

– Я в заварку также добавляю багульник. Очень ароматный чай получается, доложу я вам. Кое-кто говорит, что он ещё и очень полезный. Отведайте!

– Спасибо! Эту траву вы добавляете практически во всё, что употребляете вовнутрь. Вы её, случайно, не курите?

– Нет, мы этого не делаем. Попробуйте чай.

Предложенный чай оказался очень вкусный – в меру крепкий, в меру сладкий и в ту же меру ароматный.

– Ну, как вам чай такого купажа?

– Здорово!

– Не сомневался. Я дам вам с собой этой травы. Станете дома заваривать, друзей баловать и наши края вспоминать. Не откажетесь от такого подарка?

– С удовольствием не откажусь, штука действительно вкусная. Можно ещё чашечку?

Пока наливался чай в мою опустевшую чашку, я осматривал траекторию, по которой Сергей Станиславович проследовал от двери к столу. Вдоль этой линии не обнаруживалось ничего, с чем бы он, Штраух, должен был прийти. А именно документов и, судя по их возможному количеству, обязанных находиться как минимум в папке. Визуальное исследование результатов не дало. В этом случае, мне надо самому возвращаться к утреннему разговору. Начали!

– А кроме чая вы ничего не принесли?

Задор чайного гурмана немного сник.

– Нет.

– Отчего же?

Сергей Станиславович поставил чашку, с рисунком радостного поросёнка, на стол и уныло уставился на то, что осталось в этой чашке.

– Я вам завидую, – выдержав не прерываемую мною паузу, сказал Штраух. – Я даже хотел бы поменяться с вами ролями. Нет, не подумайте обо мне скверно, я не отказываюсь от разговора с вами... просто в той ситуации, которая сложилась здесь и которая свела нас с вами в качестве собеседников, проще задать простой и конкретный вопрос, нежели объяснить тот простой ответ, который я вам дал. Не всё, далеко не всё я могу вам объяснить. Словами объяснить. Не всё я могу объяснить даже себе.

– Слова клеймят мысль печатью неточности.

– Красиво, мудро и, по-видимому, верно.

Снова созерцание остатков чая прервало речь Штрауха. На этот раз наслаждаться его театральной паузой я не собирался. Или Штраух мутит воду, или его что-то серьёзно беспокоит. Кроме всего прочего, я чувствовал себя комфортно от того, что от него мне нужна только информация, и только, а не бандитский наезд, которого он однозначно опасается. Тем более, что эту недополученную информацию он сам и предложил.

– Мне нравится ваша старорежимная речь и печаль ваших потупленных очей. Но, это не приближает нас ни на шаг к самому разговору. Просто говорите мне о том, что произошло у вас с момента вашего предложения Султану. Я постараюсь понять общую идею – да или нет. В смысле будет продажа, или нет. Если нет, то я уеду, и мы с Самсоном просто забываем о вашем существовании без последствий для вас. Без любых последствий. Ну, может быть,

за глаза вас обзовут козлом. Если продажа, как факт, остаётся в силе, то поведайте мне о том, что её тормозит. Всё просто. По-моему.

– Если бы это было просто, если бы это всё было так просто. Вы мне не поверите, но я действительно не знаю, что вам сказать. Не знаю, и как сказать. Не потому, что не верю в вашу понятливость, а потому, что для объяснения мне придётся говорить о нескольких событиях одновременно.

– Ага. О нескольких одновременно, а рот у вас один и занят он словесной лобудой. Извините меня за такие слова в ваш адрес, но давайте по-настоящему попробуем поменяться ролями. Вы, то есть я, ждёте от меня ответа – да или нет. Так? Вот. А я, то есть вы, любуетесь этой счастливой свиньёй на чашке, и говорите мне о сложности невозможного и многообразии простого. Мы никогда не закончим этот разговор. Потому, что вы его не начинаете.

– Я не пытаюсь ввести вас в туман словес, дабы скрыть от вас истинность моих намерений.

– Господи! Это не разговор, это контрреволюция какая-то! Вы будете рассказывать?

– Я не знаю с чего начать, а когда придумываю начало речи, то сам уже не верю в то, что собираюсь сказать.

– Мне кажется, это никогда не кончится. Точнее, никогда не начнётся. Даю вам последний шанс. Итак. Вы поговорили с Самсоном и положили телефонную трубку. Так? Что вы сделали потом? Фрагменты вашей жизни, связанные с едой и сном опускаем. Что вы сделали после разговора с Самсоном?

– Если вас так интересует документальная точность событий....

– То вы её не стенографировали, так? Это я понял. Что вы сделали после разговора? Начали прикидывать, на что потратите деньги?

– Нет. Я... разговор с Самсоном был вечером, а утром я ездил в Ващановку и сделал копии всех документов, нотариально их заверил. Это я счёл не лишним. А вот через два дня... это было двенадцатого... да, именно двенадцатого, приехали мои, практически постоянные, гости. Они приезжают сюда пять-шесть раз в год на протяжении последних пяти лет. Остаются на базе на протяжении месяца. Живут спокойно, часто плавают по озеру, что-то снимают, фиксируют, выезжают на ночные съёмки.... Их общество, или группа называется «Энигматик». Детально я не интересовался, но, по моим наблюдениям, их интересы вращаются вокруг уфологии. Я не был против их приездов сюда. Люди все интеллигентные, с высшим техническим образованием. Приезжал однажды их руководитель Геннадий Белобородов. Возможно, вы его видели в телевизионных передачах. Большая умница, доложу я вам. Мы с ним....

– Не отвлекайтесь, прошу вас!

– Простите. Их поиски в районе озера, мягко говоря, не всегда были мне понятны. Обычные, на мой взгляд, явления, они использовали в качестве неоспоримых аргументов, подтверждающих правдивость их собственных фантастических теорий. Но, им это всё нравилось и, я повторяю, люди они интеллигентные, поэтому я не мешал им и, даже с удовольствием,

выслушивал их рассказы. Видели бы вы тот азартный блеск в их глазах, когда они возвращались с озера. Настолько увлечённых людей своим делом я встречал только в литературе. Поверьте....

– Обязательно поверю. Скажите, а вы женаты?

– Это имеет какую-то связь с тем....

– Да или нет?

– Был. Мы в разводе. Почему это вас так заинтересовало?

– Я на секунду представил, как вы предлагали своей пассии выйти за вас. Вы ей говорили страшно долго и, практически, ни о чём. Как она догадалась, что вы ей делаете предложение? Интуитивно?

– Вы очень ироничны.

– А вы знаете слишком много слов, и хотите мне это продемонстрировать.

– Я постараюсь быть лаконичным. Мне подумалось, что вам так будет понятнее то, что я пытаюсь донести до вас. Мое предостережение о том, что рассказ мой архисложен и, по моему разумению, не всегда логичен, остаётся в силе.

– Итак. Уфологи катались по озеру и были счастливы. Дальше что-то было?

– В последний приезд было трое участников группы «Энигматик» – Виктор Андреевич Бондаренко. Он старший группы, он... извините, едва не начал давать ему характеристику. Скажу только одно, лет восемь назад он состоял на службе в вашем ведомстве, оно в ту пору называлось КГБ, с этим я не ошибся?

– Дело не в хронологии и не в названии. Не останавливайтесь, вы начали разгоняться.

– Да. Служил он в каком-то отделе по изучению того же самого, что, этот «Энигматик», изучает сейчас. Только тогда, доступ до любой информации для сотрудника его ранга, был, делом, не сложным. Теперь же, всё приходилось собирать, буквально, по крупицам им самим. Вторым членом группы был Харин Вячеслав Сергеевич, биолог и просто увлечённый человек. Третий – Шрамко Александр Иванович, обеспечивавший всю техническую поддержку этой экспедиции. У меня сложилось мнение, что не было ни одного прибора или агрегата, который не смог бы поладить Александр Иванович. Надеюсь, что охарактеризовал я этих людей кратко, но ёмко. Одинакового распорядка дня у них не было. Иногда они плавали по озеру на лодках, которые я предоставлял в их полное распоряжение. Иногда они по несколько дней сидели над схемами и картами и, что-то, писали.

– Зачем мне надо так много о них знать? Их НЛЮ похитило, и вы не хотите продавать базу, чтобы им было куда вернуться? Они улетели, но обещали прибыть назад?

– Почти так, молодой человек, почти так. Они, в очередной раз, отправились на лодках на озеро.... Дальнейшие события мне не известны. Бондаренко и Харина нашли мёртвыми, а Шрамко не найден вовсе.

– А кто и как узнал, что они мёртвые?

– Их не было сутки. Почти сутки. Я телефонировал в Вашановку, и поделился с участковым своими опасениями, относительно моих гостей. Он отзвонился через пару часов и отпартовал, что доложил своему начальству в Еланцы и они, начальство, примут меры. Я не имел представления, о каких мерах идёт речь – попросят рыбаков их ближайшей артели, моторный катер у рыбинспектора возьмут,... но, поймите, я начал переживать и, как оказалось, небезосновательно. Ближе к вечеру приехала грузовая автомашина, большая такая....

– Мне неудобно вас подгонять, но придётся.

– Простите. Приехала большая автомашина, а почти в полночь прилетел вертолёт и привёз тела Бондаренко и Харина. По словам вертолётчиков, их нашли около Хужира. Это довольно далеко отсюда. Далеко для вёсельной лодки и, честно говоря, далековато для быстрого обнаружения тел даже с помощью вертолёта. Я немного знаю специфику местности, и расторопность органов власти.... В прошлом году больше недели искали тоже двух рыбаков, которые уплыли, не более, чем, на километр. А до Хужира... одним словом закралась у меня мысль, что вертолётчики знали, где надо их искать. Хотя... Саша, Шрамко Саша, мог связаться с кем-то, и передать свои координаты и, поэтому, их поиски не были долгими. Утверждать ничего не могу, это только мои предположения. Именно так. Предположения.

– Вы сделали акцент на слове «предположения». Я это заметил и запомнил. Ответственности это вам не добавляет. Дальше.

– Хорошо, что вы обратили внимание, я не хотел бы, чтобы мои предположения принимались вами за основу в вашем разбирательстве. На чём я остановился?

– На вертолёте.

– Да. Тела доставили на вертолёте и оставили на берегу. Не на самом берегу, у воды, а на лодочной лёжке, это недалеко от того места, где мы с вами завтракали. Лодки пригнали только через двое суток.

Последние предложения Сергею Станиславовичу давались всё труднее. Это было видно по замедляющемуся темпу произнесения слов. Его словно отнесло в те неприятные минуты, которые он пережил не совсем безболезненно. Я его понимал, но, мне приходилось быть, как бы это так сказать, равнодушным и холодным, что ли....

– Я всё равно не вижу связи между смертями этих учёных и продажей.

– Еланцевское начальство приказало, во-первых, считать их только рыбаками и никем более. А во-вторых, поступил запрет обсуждать произошедшее, с кем бы то ни было. Под страхом ответственности разглашения какой-то тайны.

– Следствия?

– Может и следствия. Терминология процедурного действия не важна. Только после обыска в домике погибших, закончившегося изъятием всех их бумаг, произошло изъятие моих документов, подготовленных для продажи. Также, я имею подписку о невыезде.

– Теперь мы почти приблизились к сути. Начинает проясняться.

– Кому как, молодой человек, кому как. То, что вам проясняется, видится мне через сильно закопчённое стекло. Вот, вы просили меня дать вам простой ответ в отношении продажи, а какой ответ вы бы дали, окажись вы на моём месте?

Штраух уставился на меня немигающими глазами. Он не ждал ответа на свой вопрос, ставший тут же риторическим, он старался рассмотреть то впечатление, которое произвел на меня финал этого многословного повествования. Во всяком случае, мне так показалось.

– Я бы дал простой ответ. А именно – сделка отодвигается во времени в связи с проведением следственных мероприятий в отношении двух посетителей вашей базы. Я бы так озвучил. Только, вот, ваш рассказ, добавивший интригу, не позволяет мне так однозначно высказаться. Самое важное вы, по видимому, недоговорили, поэтому и решили поиграть в игру «Догадайся сам». Что ещё мне предстоит узнать, прежде чем я дам вам верный ответ, оказавшись на вашем месте?

– Туман, о прояснении которого вы говорили, появился сразу же, как только опустился вертолёт и из него извлекли тела. Они, я говорю о Бондаренко и Харине, были уже в плотных пакетах, такие, знаете, с молниями... В этих мешках, как раз над головой, были прозрачные окошки, чтобы можно было опознать человека, не вскрывая пакет. Это, в общем-то, понятно. Но выгружавшие эти пакеты вертолётчики были в костюмах... как они называются? Химзащиты, правильно? Я тогда подумал: «Зачем?» Ведь если их нашли в лодке на озере, то какова необходимость в таких предосторожностях? Если они назначены простыми рыбаками, то зачем конфисковывать их бумаги и записи, находившиеся в их домике? И какое, наконец, имеет значение, в чьей собственности находится эта база и почему, на время следствия, конфискуются мои бумаги? Почему не ищут третьего человека, Шрамко? Никто не ищет. А где его лодка? Ведь мне вернули только одну, а лодки числятся, как собственность базы, понимаете? Сказали бы мне – лодка разбилась или утонула, и на этом бы всё закончилось. Мне ведь в данной ситуации безразлична судьба лодки, но в ней был человек! Если этот человек просто пропал, то какую-то надежду могло дать местоположение лодки, а мне ни слова об этом не сказали! И моя информация о том, что три человека уплыли на двух лодках ни до кого не дошла! Ни Еланцевское начальство, ни вертолётчики меня не слышали! И последнее. Зачем так старательно скрывать истинное занятие Бондаренко и Харина, называя их рыбаками? Проанализировав все произошедшие события, я не стал бы, да и не смог бы дать вам конкретный ответ, относительно продажи базы. Вернее надо сказать иначе – относительно продажи базы ответ положительный. Относительно времени совершения сделки – ответа у меня нет. Примерно такой ответ вы и предлагали мне в качестве варианта, но сложившаяся ситуация не позволяет мне быть полностью солидарным ни с одной из двух составляющих данного ответа. Во всяком случае, пока не позволяет.

– Вы не смогли удержаться и под конец накуролесили словами.

– Если вам не нравится...

– Да, мне не нравится. Охренительно не нравится. И ещё долго не будет нравится. А вы хотели услышать от меня что-то другое?

Сергей Станиславович повернул чашечного поросёнка от себя и сам повернулся к окну. Обиделся.

– Теперь я тоже что-то скажу, но попроще. Во всём произошедшем вашей вины нет, вы это и сами понимаете. Только с вашим словоблудием у вас и в мозгах путаница. Объяснили бы всё раньше и проще – я бы не пёрся сюда за три тыщи вёрст. А вы, с вашей впечатлительностью, блин... Ладно, проехали. Давайте по делу. Вертолёт, который прилетел за телами, имел какую-нибудь надпись на борту? И второе. Эта большая грузовая машина, ну... которая привезла Еланцевского начальника, Ермоленко кажется? Вот, номер машины не припомните?

Я не до конца озвучил то, что мне не понравилось. Хотя слово «не понравилось», нет, не так. Наслушавшись Штрауха, надо верно выражаться – это слово и союз «не понравилось». Так вот, то на что я исправился, не совсем соответствует действительности. Более правильным будет выражение «почти паника». Стараться самому себе объяснять причину полупанического состояния не приходилось, это было целостное ощущение на уровне одного из имеющихся чувств, любого на выбор – от зрения до нюха. Одно только меня волновало до глубины души – почему я постоянно попадаю в такие капканы, в которых, кроме меня и сыра, больше никого нет? Это простое любительское везение, или, уже, профессионализм?

– «МЧС».

– Что «МЧС»?

– На вертолёте была надпись «МЧС РОССИИ».

Вот оно что! Я так увлёкся собственным созерцанием себя в капкане, что совершенно потерял нить разговора.

– А-а, ясно.

– Мне бы такую ясность.

– Так, сколько было прилетевших?

– Я уже говорил вам, что был пилот и двое в костюмах химзащиты. Трое.

– А начальник милиции?

– Он приехал на грузовой автомашине.

– Сам?

– С водителем. Начальник был в форме, а водитель в пятнистом костюме.

– С галстуком?

– По вашим издёвкам я убеждаюсь в том, что вы таки настоящий сотрудник ФСБ.

– Я не издеваюсь. Машина, на которой приехал начальник....

– Я уже докладывал вам, что это автомашина армейского образца. Во всяком случае, мне так показалось.

Оказывается, я много пропустил из рассказа Штрауха. Или не обратил должного внимания на экипировку летунов и на машину. А что мне далась эта машина? Я на ней не уеду из этого, начинающегося, Прибайкальского кошмара. Господи, Самсон, куда ты меня отправил на этот раз?! Тут или что-то засекреченное, или бешеная радиация. Но ни первое, ни второе меня не устраивает. Просто сказочная западня для фальшивого майора ФСБ! И ещё одно странное дельце вырисовывается. Если на пропажу и последующую гибель двух настоящих рыбаков местная милиция не реагирует, то, на пропажу этих людей из «Энигматика», прилетает вертолёт, и мчится, шибче воли, начальник из Еланцев. Почему? Потому, что один из погибших бывший КГБшник? Хрен там! На момент звонка никто ещё не знал, что они погибли. Этот красноречивый Штраух сообщил о пропаже, а не о гибели. Если, конечно, не врёт.

– А как участковый воспринял известие о пропаже ваших гостей?

– Откуда мне знать? Когда я телефонировал ему о пропаже троих приехавших, он разговаривал очень спокойно.

Значит не врёт Штраух. Но мне от этого никак легче не становится. Что было такого в этом сослуживце, если известие о его пропаже создало такую шумиху? Тем более, что он бывший сотрудник КГБ. Интересно, а вот известие о моей аварии никого не заинтересовало. Даже машину не обследовали. Обидно, понимаешь?

– Как долго, этот авиаотряд «Нормандия-Неман», тут находился?

– Лично со мной они разговаривали около двух часов подряд, потом велели мне остаться в моём доме. Улетели в половине пятого утра.

– А, кроме этого, и домик ваших гостей обыскали, так?

– Они назвали это – изъятием вещественных доказательств.

– А кто изымал эти доказательства? Начальник милиции?

– Нет. Он вообще ни во что не вмешивался.

– Смотрите-ка, какие многостаночники эти МЧСовцы! И аки соколы летать могут, и трупы в конверты с окошками складировать, и изымать горазды. Молодцы, МЧСовцы!

– Вам действительно весело?

– Нет, я придуриваюсь! Я буду веселиться, когда буду проверять материалы дела и отчитываться перед Самсоном. Вот где будет веселье! Приходите, я вам вынесу контрамарку в первый ряд на мой бенефис.

Настроение было отменное, только с отрицательным знаком.

– Теперь я бы хотел перейти к просьбам. Мне надо осмотреть домик, в котором жили ваши гости.

– Не могу препятствовать вам в этом, но дом опечатан.

– Плевать! Ключи от него есть?

– Конечно, есть. Что-то ещё?

– Да, хрен его знает, что ещё! Если бы знал, то подостлал бы... что-нибудь. Так вам действительно запретили обо всём рассказывать?

– Да, действительно.

– Тогда вы не нарушили приказ. Всё приходится делать самому. А где есть факс?

– Факсимильная связь есть только в почтовом отделении в Ващановке.

А почему Сергея Станиславовича не удивляют такие вопросы, от которых я сам обалдеваю? Откуда взялась идея спросить о факсе? Я же не думал об этом!

– А как вы думаете, что мне теперь делать?

Наконец-то я застал Штрауха врасплох! От неожиданного вопроса он вытаращил на меня глаза.

– Не знаю... разбираться....

– Очень умно. А не знаете, как?

Удивление прошло вслед за разгладившимися морщинами на лбу. Вновь Штраухом овладела холодная отрешённость в отношении ко мне. Да, и чёрт с ним!

– Я ещё могу быть вам полезен?

– Естественно. Пойдёте со мной в тот опечатанный дом. Как понятой.

Пока, ставший немногословным Штраух, ходил за запасными ключами от того опечатанного домика, я попробовал на крепость прутья моего капкана. И очень не обрадовался. А именно: погибшие странным способом УФОлоги для меня, и по приказу для всех остальных, были, только, в качестве рыбаков. Это серьёзный прут? Не сильно. Я могу и подыграть ментам из Еланца, и серьёзным спецам из МЧС в этом вопросе. Но менты точно знают, что в этих папках, которые передал мне участковый, написана ерунда. Если я этой ерунды не замечу, значит я

подставной лох, а не майор ФСБ. В случае же обнаружения вышеупомянутой ерунды, я должен по-настоящему отреагировать на оную. Кому это надо? Никому, включая меня самого. Значит... что значит? Может быть, в этой истории какая-то тайна, которая скрывалась от очевидцев прилётом химзащищённых МЧСовцев, и переводом УФОлогов в разряд рыбаков? Может быть тайна, и, даже, обязана быть! Тогда, если я не посвящённый в неё заранее майор, я её открою.

Если открою, то я не справлюсь с такой вертолётно-МЧСовско-ментовской бригадой, и кану в лету, хоть и не рыбаком, а майором ФСБ, но всё-таки кану. Тем более, что все предпосылки для этого существуют – пресловутое ДТП, сделавшее меня, из лейтенанта запаса, майором ФСБ. Это хороший прут под номером 2? Это просто монументальное творение, а не прут. И что мне делать? Может, найти поскорее, по сходной цене, верёвку и мыло? Или не тратить попусту наличные деньги, а положиться на меткость ментов, которые, разоблачив меня, цацкаться со мной не станут. Бабах! И я уже на небесах, как не оправившийся после долгой и продолжительной аварии. И последнее, что я успел спокойно рассмотреть, увидев приближающегося Штрауха, это собственные странности. Почему в самый, или почти в самый ответственный момент в голове проявляются посторонние мысли? Сначала выплыл факс, а теперь всё продуманное заслонила сказка о лягушке, попавшей в крынку с молоком? Этот состарившийся головастик начал активно сучить лапками и вовсю дёргаться, в результате чего взбил комок масла. По нему и выбрался. А если это подсказка, и не стоит от этой мысли отказываться? Как знать....

– Если вы готовы, то ступайте за мной.

Штраух был собран и спокоен. Во всяком случае, внешне. Ладно, начинаю сучить лапками... размера сорок три с половиной, полнота шестая.

– До домика далеко?

– Сегодня доберёмся.

– Да вы шутник, батенька! Я серьёзно.

– Придётся пройти порядка сорока метров. Насколько для вас велико это расстояние?

– Если идти медленно, то велико аж до пяти минут. А пока идём, то постарайтесь вспомнить, не было ли чего-то необычного в тот день, пусть даже не относящееся к происходящему?

Для приличия помолчав половину дороги, Штраух ответил отрицательно.

– Ладно, – пробурчал я себе под нос, – сам найду.

А что, интересно знать, я найду? Поаккуратнее надо с сомнением, уважаемый.

Как представителю власти, мне была оказана самовольная честь сорвать полоску бумаги, приклеенную на замочную скважину.

Занеся палец для срыва пломбы, я обратил внимание на надпись и печать. Что обычно пишут на пломбах? Знать бы! Вот, что бы я написал, если бы мне пришлось самому опечаты-

вать? Даже не представляю. Ну, написал бы... дату бы поставил, и написал бы свою фамилию и должность. А на этой бумажке только печать и какая-то закорючка. Интересное замечание. Это я так начал лапками дёргать?

Я достал мобильный телефон, и сфотографировал, как можно качественнее, эту пломбу. И снова, в порыве желания разрыва этой бумажки взметнулся мой палец. И, снова, замер. А не разобрать ли мне надпись на печати? Неизвестно, как пройдёт линия разрыва и останется ли годной для прочтения оттиск печати? Пришлось приблизить лицо почти вплотную к двери. Слегка смазано, но прочесть можно. «Государственный нотариус... (окончание „иус“ я добавил от себя по причине смазанности этого окончания) Потехов Андрей Вадимович». Здорово! Менты опечатывают дома нотариальными печатями, которые возят с собой на всякий случай?! Это открытие взбудрило во мне чувство сыщика, который, оглянувшись, увидел ещё один прут, вставленный в капкан. От-так! Ребята химичат направо и налево, никого не боясь! Ай, да, сукины дети! Теперь, я точно знаю, что я, то есть майор, имеют только один шанс из бесконечности выбраться отсюда – это быть заодно с ментами и людьми из псевдо МЧС. В противном случае... об этом потом. Итак, снова дилемма. Куплен ехавший сюда майор, или нет? Скорее всего, да. Иначе, не стоило бы ему, то есть мне, давать папки с материалами дела, и возвращать оружие. Но, с другой стороны, а почему бы и нет, если заранее просчитано, что майор, заартачившись, отсюда не уедет. А оружие? А, что, оружие? Ну... пожертвуют, скажем, для правдоподобия, участковым, и ещё кем-нибудь. Это в том случае, если я имею исправное оружие, ведь могли же специалисты с ним поработать. Надо проверить его в работе и не далее, чем сегодня.

В третий раз замахнувшись, я сорвал пломбу.

– Я уже могу открывать, или ритуал ещё не завершён?

– Я хотел ещё кошку впустить в дом. Первой. Но, если вы спешите, то... прошу к скважине.

Дверь открылась. Внутреннее помещение в доме было примерно таким же, как и в моём. Отделка и интерьер такие же. Такой же и запах. Вроде ничего интересного.

Как мне показалось, я тщательно осмотрел все уголки этого домика. Стены, правда, простукивать не стал, не стал вскрывать половицы. Как и ожидалось, ничего не нашёл. Штраух тоже этого ожидал, поэтому, безразличным тоном, спросил:

– Мы можем идти?

– Сейчас пойдём.

Я ещё раз оглядел помещение и уселся на одну из двух кроватей.

– Они были «голубые»?

– Кто?

– Ваши энигматичные гости.

– С чего вы взяли?

– Приехало трое, а кроватей две. Спальных принадлежностей для третьего ложа не обнаружено, если они не конфискованы. Выходит, что двое спали в одной постели. Они были «голубые»?

– Кто?

– Дед Пихто! Не старайтесь прикидываться, у вас не выходит. Или приехавших было двое, а не трое, или третий жил в другом месте. Кто жил в другом месте, и кто именно?

Штраух, стоявший около двери, сделал несколько шагов ко мне, и присел рядом. Причём, на самый краешек кровати.

– Это не то, что вы думаете....

– Не начинайте эту лобуду. Играем в игру «вопрос-ответ». Я задал свой вопрос. Не отвечаете, всё будет хуже. Я вам не Еланцевский мент. Я – хуже. Итак.

– Он живёт... жил... в моём доме.

– Вас о нём вертолётчики спрашивали?

– Да. Я сказал, что он пропал....

– Это понятно.

Что мне было понятно? Кладу руку на сердце и признаюсь – ничего мне не понятно, но оставлять разговор на этом уровне нельзя. Надо сильнее сучить лапками.

– Понятно, – ещё раз сказал я, и хлопнул ладонями по коленкам, имитируя готовность подняться на ноги. – И где он сейчас?

– Пропал. Я вам уже говорил об этом.

– Про-пал, – нараспев повторил я, и покачал головой. Что должен был означать этот жест, я не придумал. Да и не стоит ничего придумывать, ещё пару таких глупых разговоров со Штраухом и я начну завидовать погибшему майору.

– Пропал, так пропал. Что теперь об этом говорить? Время уже к вечеру. Надо пойти и проштудировать материалы дела. Но, напоследок я скажу... ух, ты! Я, даже, романс вспомнил! Красивый романс. Я сейчас тоже красиво пойду, не в смысле походки, а по-английски. Не прощаясь. Только, кое-что, скажу.

Попробуйте посмотреть на всё моими глазами. Приезжают трое мужиков, чтобы потешить свой интерес. Да ради Бога! Кто марки собирает, а эти интересуются уфологией, да? Что-то снимают, что-то пишут, что-то отслеживают.... Это их дело, и не мне в это влезать. Но, среди них есть один Кулибин по фамилии Шрамко, специалист на все руки. Зачем его с собой взяли? Это не вопрос, это мысль вслух. Так вот. Зачем его взяли? Видимо для того, чтобы поддерживать в порядке всю аппаратуру. Я думаю, что для этого. А какая может быть аппаратура,

если ваши энигматичные гости рассекали по Байкалу на лодках? Конкретно не могу сказать, а вот абстрактно смогу – переносная. Это значит, что с блоком питания на каждую переносную единицу уфологического снаряжения. И, во всяком разе, я бы сам так сделал, не мешало бы иметь в запасе уже заряженные аккумуляторы. Кроме этого – ремонт. Был этот ремонт, или его не было, но всё должно быть под рукой для возможной починки. К примеру, от паяльника до набора отвёрток. Дальше. Если ваши гости устроили в этом домике свой штаб, то как они обходились двумя розетками? Причём, одна из них занята чайником. Понимаете? Или надо что-то паять во вред процессу зарядки аккумуляторов, или таскать аппаратуру в другой дом. А если дождь? Слишком сложно для людей, привыкших мобильно жить и мобильно передвигаться. Далее. Ваши гости, как вы сами сказали, что-то писали, работали с картами и тому подобная отчетная канитель. А где хоть одна ручка или обломок карандаша? Где какая-нибудь лупа, ластик и прочая канцелярская хрень, которой любой человек может зафиксировать свою мысль? Или наоборот, стереть её? Нет ни-че-го! То есть, вы, пожилой человек, решили, что перед вами семимесячный придурок, которому можно городить всякую чушь? Видимо, вы так и решили. Ну, и ладно. Я пошёл к себе не прощаясь, но, запомните, что от вашего молчания, события могут повернуться таким боком, что через пару дней мы, с вами, завоём. Не на луну, а от желания выжить. Всё. Я пошёл.

– Пойдите.

– Не постою. Мне не нравится интонация, с которой вы сказали слово «постойте». Если я задержусь, то снова буду слушать слышанное ранее. Будете готовы рассказать правду – найдёте меня. А если нет, то умирать мы будем с вами не в своих постелях, и не по моей вине.

Не понимаю я молодёжный сленг, и ненавижу его, но на этом сленге я нашёл точное определение своего состояния – меня колбасило. Это была сумма ощущений страха, нервозности, обиды на себя самого за свою уступчивость перед Самсоном, обиды за невозможность выполнить простейшую просьбу того же Самсона, и злость на Штрауха. Но, конечно же, я уже придумал оправдание его поведению, и вошёл в его положение. Вполне возможно, что Сергей Станиславович вёл бы себя со мной иначе, знай он, кто я на самом деле. А что, взять и сказать ему так, мол, и так, я не майор, а простой посол от Самсона, а вся эта канитель с расспросами от того, что я побоялся признаться участковому, кто я есть на самом деле. Выход? Вероятно, но у любой вещи и у любого явления всегда есть две стороны, и второй стороной может оказаться игра Штрауха на стороне тех, кто превращает в рыбаков бывших комитетчиков. Я могу быть уверен, что Штраух говорит правду? Не могу. Тогда и признаваться не буду ему в своих грехах. Что мне тогда остаётся? Постепенно внушать ему ошибочность его первого мнения обо мне, которое базируется на несоответствии моего поведения и должности, которую я, якобы занимаю. Могу попробовать, но рискую оттолкнуть его от себя совсем. И, как итог, мне придётся в одиночку барахтаться в этом деле без подсказок и без помощи. Это ладно, лишь бы в Байкале не барахтаться... на уровне дна. Да-а, задача. С кем бы поговорить, а? Или... или махнуть на всё рукой и выложить Станиславовичу всё, как на духу и попросить поддержки? Может, и подскажет что-то, вроде информации, он же тут может всех знать? Ох, не знаю. Не знаю, что делать. Эта, долбанная гибель уфологов, перепутала все карты! Вот напиться бы так, чтобы на утро все проблемы разрешились сами собой! Ага, утром просыпаюсь, а мне говорят, всё, мол, дела сами поделались, можете ехать домой. Мы отвезём вас на машине до аэропорта. А странная у Штрауха манера изъясняться – автомашина... не тачка, не автомобиль, не марку называет, а автомашина. Наверное, это следствие долгой изоляции от большого мира, с его диким стремлением к трансформации и уродованию языка. Да-а, марку машины не назвал... а почему? Стоп! А что это мне так поплохело? Марку не назвал, потому, что это грузовик

армейского образца, И что? А то, что такой же большой грузовик и давил «Жигули», в которых я ехал. Так-так-так! Вспоминай голова, шапку куплю! Почему я сам решил, что это армейская машина? Она большая. И что с того? «Белаз» тоже не маленькая, однако её армейской не назовёшь. Почему я так решил? Что в неё та... кого? Вот что. Номер. Именно. Номер из четырёх цифр через чёрточку – раз. Две индексные буквы на том же номере – два. Номер чёрный с белыми буквами и цифрами – три. Это я и успел заметить. А что ещё успел? Что? В номере последняя буква – «4», передние цифры то ли подёрты, то ли испачканы. Это я точно вспомнил? Точно-точно. Если бы я этот номер вспоминал, распивая вкусный чай, то это был бы дохлый номер. В смысле дохлый не автомобильный номер, а номер... блин! Номер... как... попытка что-то вспомнить. Вот голова, а? Ведь я сам понял, что я подумал и что это означает, но начинаю расшифровывать самому себе свои же мысли, как будто рассказываю их другому, стараясь донести до несуществующего слушателя... стоп! Хватит!!! Я всё понял, что я подумал и на этом стоп! Голова работает только по делу! Начинаю сначала. Что сначала? Около «Жигулей» и на Штрауховской базе появлялись большие грузовики армейского типа. Их опознали, как таковые, два разных человека, ранее не знакомые друг с другом. Вопрос первый – узнать у Штрауха номер машины. Если он помнит, конечно. А вот участковый сказал, что после расформирования воинской части никаких субъектов автопарка не имеется в наличии. Врёт? Врёт. Или не знает, поскольку за один месяц их материализовалось несколько штук в количестве двух единиц подвижного состава. Так, один вопрос сформулирован. Что меня ещё гложет? Пистолет. Ага, полученное оружие. Могли мне его отдать в слегка модифицированном виде с холостыми патронами? Легко! Вывод? Надо проверить, как он стреляет и стреляет ли вообще. Ха, а не могли эти ребята поставить первых несколько патронов холостых? Могли. Зачем? Для того чтобы в самый экстренный момент... экстренный – это срочный, так? Так, снова. Тихо, не отвлекаться! Чтобы в самый ответственный момент я не испортил кому-то жизнь, и дал возможность, уже другому лицу, пальнуть из этого пистолета, переложив всю ответственность за этот выстрел на меня. Хитро! Но глупо, потому, что этот пистолет не есть моим табельным оружием, и привязать его ко мне нельзя. Но, об этом знаю только я. Ладно, допустим, разобрались. Так что же делать? Надо высыпать все патроны в кучу и наугад снова зарядить обе обоймы. Логично. Потом сделать пяток выстрелов, не на меткость, естественно, а просто для того, чтобы удостовериться, что пистолет работает. Ага, хрен вам в нос, а не пяток выстрелов! У меня всего восемнадцать патронов, так что буду довольствоваться одним выстрелом. Так, решено и это. Ну, что, хватит на сегодня? Утро добавит новых вопросов, а мне пока надо оформить эти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.